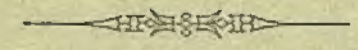

В. В. Фурсенко.

Дѣло о Лестокѣ

1748 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1912.

В. В. Фуреенко.

Дѣло о Лестокѣ
1748 года.

Многоуважаемому
Сергию Александровичу
от искренне преданного
В. Фур.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1912.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1912 годъ.

Дѣло Лестока и все, что до него касалось, было покрыто непроницаемой тайной, которую не могли раскрыть современники. Даже великая княгиня Екатерина Алексѣевна услышала объ арестѣ Лестока подъ большимъ секретомъ отъ придворнаго парикмахера, преданнаго ей Евреинова, а объ окончаніи суда надъ нимъ могла лишь догадываться на основаніи указовъ, которыми распредѣлялось имущество павшаго лейбъ-медика между его судьями и людьми, умѣющими получить кое что всегда, когда что либо раздаютъ.

Тайну, повисшую надъ этимъ дѣломъ, не сняли и при помилованіи Лестока въ царствованіе Петра III, не разоблачили ее въ своихъ изслѣдованіяхъ и историки оттого, что архивные матеріалы о Лестокѣ и судѣ надъ нимъ мало доступны, почти вовсе не опубликованы, и даже немногіе обнародованные разбросаны по разнымъ изданіямъ; отчасти же оттого, что царствованіе Императрицы Елисаветы такъ скудно изучено, что даже очень важные вопросы его ждутъ еще ряда изслѣдованій и изслѣдователей. При неизученности же первостепенныхъ— второстепенные и мелкіе пріобрѣтаютъ непомѣрную трудность. Неудивительно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ біографіи Лестока оказалось много пробѣловъ. Даже въ наиболѣе полной, составленной Хмыровымъ [1]), допущены пропуски и неточности, большая часть которыхъ произошла оттого, что Хмыровъ пользовался иностранными источниками, составленными на основаніи непровѣренныхъ слуховъ. Соловьевъ въ своей исторіи Россіи [2]), говоря объ удаленіи Лестока отъ двора въ 1748 г., приводитъ краткій экстрактъ изъ допросныхъ пунктовъ Лестоку и заканчиваетъ эти свѣдѣнія о дѣлѣ Лестока лаконической и не совсѣмъ вѣрной фразой: „Лестокъ ни въ чемъ не

---

[1]) *Хмыровъ, М. Д.* Историческія статьи. Графъ Лестокъ. С.-Пб. 1873. Первоначально въ Отечест. Запискахъ за 1866 годъ. Въ ней библіограф. данныя до 1866 г.

[2]) Исторія Россіи. Изд. „Общ. Польза". Кн. V. Гл. XXII, стр. 510.

признался; его сослали въ Угличъ". Въ 1884 г. въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн. Рос." была помѣщена статья М. Семевскаго [1]), въ которой указаны недостатки существующихъ статей о Лестокѣ, намѣчена цѣль—заполнить ихъ, но для достиженія ея сдѣлано слишкомъ мало: приведена сжатая біографія Лестока [2]), а послѣ нея помѣщено постановленіе судей надъ Лестокомъ [3]), названное М. Семевскимъ: „подлинное рѣшеніе Тайной канцеляріи объ осужденіи Лестока". Конечно, этого слишкомъ мало для того, чтобы объяснить, за что и какъ былъ судимъ и осужденъ Лестокъ. Также мало разъясняетъ дѣло и новѣйшій трудъ о эпохѣ Елисаветы Петровны—К. Валишевскаго. Сообщая очень много свѣдѣній анекдотическаго характера, авторъ его совершенно замалчиваетъ обстановку и причины паденія и суда надъ бывшимъ конфидентомъ и фаворитомъ [4]).

Вотъ главныя біографическія свѣдѣнія о Лестокѣ. Кромѣ нихъ, существуетъ еще нѣсколько матеріаловъ, отпечатанныхъ въ необработанномъ видѣ и отчасти еще до сихъ поръ не использованныхъ. Въ архивѣ князя Воронцова помѣщены: „Дѣло о маркизѣ Шетарди и объ его высылкѣ изъ Россіи" [5]), „Перлюстрація писемъ, касающихся заговора Ботты" [6]), „Письма С. К. Нарышкина къ гр. М. И. Воронцову" [7]), „Объ арестѣ Лестока, письмо Кайзерлинга къ А. П. Бестужеву-Рюмину и Extrait des depèches du comte Bernis", „Отвѣтъ Далліона на записку Даржансона о Шетарди", „Извѣтъ голландскаго резидента Шварца на Лестока" [8]), „Допросные пункты Ивану Лестоку", „Письмо Лестока М. И. Воронцову", „Всеподданнѣйшія прошенія гр. А. П. Бестужева-Рюмина и т. с. Бреверна по поводу французскихъ интригъ" [9]), „Записка ко всемилостивѣйшему Его Императорскаго Величества извѣстію" [10]), „По дѣлу Лестока. Замѣчанія и памятная записка канцлера Бестужева" [11]),

[1]) „Лестокъ". Чтенія. Смѣсь, гл. II, стр. 1—18.

[2]) Стр. 2—9.

[3]) Стр. 9—18.

[4]) *Waliszewski, K.* La dernière des Romanov. Elisabeth I-re Impératrice de Russie. 1741—1762. 3-me édition. Paris 1902. Ch. III. d, II. Lestocq, p.p. 102—110. Русскій переводъ появился въ 1912 г. подъ заглавіемъ „Дочь Петра Великаго".

[5]) Архивъ Воронцова, кн. I.

[6]) Ib., кн. II.

[7]) Ib., II.

[8]) Ib., кн. III.

[9]) Ib., кн. IV.

[10]) Ib., кн. VII.

[11]) Ib., кн. XXIV.

„L'arrêt et disgrâce du comte de L'Estocq. De annis 1748—1749".— „Письмо Фридриха Великаго г-ну Аммону въ Гагу" [1]), „Перлюстрація 1748 г. Бумаги временъ Елисаветы Петровны" [2]). Въ IV томѣ историческаго сборника Осмнадцатый вѣкъ, въ статьѣ „Изъ подлинныхъ бумагъ Елисаветинскаго времени" (стр. 87—92) помѣщена часть перлюстрированныхъ депешъ за 1748—1749 гг., имѣющихъ отношеніе къ дѣлу Лестока. Еще большее количество свѣдѣній о значеніи Лестока при дворѣ Императрицы Елисаветы и обстоятельствъ, приведшихъ его къ суду и ссылкѣ, заключается въ донесеніяхъ иностранныхъ министровъ въ Россіи: пословъ, посланниковъ, повѣренныхъ въ дѣлахъ Франціи [3]), Англіи [4]), Саксоніи [5]); министровъ иностранныхъ дѣлъ этихъ государствъ и въ „Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen" [6]).

Если сопоставить даже эти печатные матеріалы съ изслѣдованіями о Лестокѣ, то поразитъ скудость послѣднихъ. Однако она не можетъ служить доказательствомъ отсутствія историческаго интереса въ дѣлѣ Лестока или же пустоты свѣдѣній о немъ,—скорѣе она происходитъ вслѣдствіе огромности матеріала и сложности изслѣдованія ихъ, которыя и могли оттолкнуть тѣхъ, непосредственные ученые интересы коихъ не были тѣсно связаны съ вопросомъ о значеніи внѣшней политики и отдѣльныхъ личностей царствованія Елисаветы. Однако неполнота свѣдѣній о Лестокѣ привела нѣкоторыхъ историковъ этой эпохи къ досаднымъ промахамъ и ошибкамъ.

Но еще обильнѣе рукописныя свѣдѣнія о разбираемомъ нами вопросѣ. Въ государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ находятся:

1) „Слѣдствіе и пыточные допросы о графѣ Лестокѣ, обвиненномъ въ сношеніяхъ съ иностранными министрами во вредъ Россіи. 1748 г. Части I, II, III и IV". Отд. VI № 379.

2) Дѣло о содержаніи графа Лестока и жены его въ Петропавловской крѣпости 1748—1753 г.г. Части I и II. Отд. VI № 380.

3) Дѣло о капитанѣ Шапизо, замѣшанномъ въ дѣлѣ графа Лестока, и объ отправленіи его на службу въ Астрахань. 1748 г., отд. VI, № 381.

---

[1]) Ib., кн. XXV.

[2]) Ib., кн. XXXIII и XXXIV.

[3]) Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томы: LXXXVI, XCII, XCVI, C, CV.

[4]) Ibid. Томы: LXXXV, XCI, XCIX, CII, CIII, CX.

[5]) Ibid. Томъ VI.

[6]) Томы: I—VI включит.

4) Дѣло о ссылкѣ графа Лестока съ женою въ Устюгъ Великій; письма его оттуда къ начальнику Тайной Канцеляріи гр. А. И. Шувалову; освобожденіе Лестока изъ ссылки Императоромъ Петромъ III съ 1753 по 1762 г.г. Части: I. 1753—1754 г. II. 1755—1756 г. III. 1757—1758 г. IV. 1759—1762 г.г. Отд. VI. № 382.

5) Переписка о конфискованныхъ имѣніяхъ и счетахъ графа Лестока 1748 и слѣдующихъ годовъ. Части: I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII. От. VI, № 383. Часть перечисленныхъ дѣлъ была до сихъ поръ совершенно не тронута, такъ какъ многіе листы отъ многолѣтняго лежанія и небрежнаго храненія еще въ архивѣ Тайной канцеляріи были подмочены и склеены и до прошлаго года ихъ никто не перелистывалъ. Чернила во многихъ случаяхъ смыты и почти исчезли. Къ счастью черновики дѣла сохранились значительно лучше подлинныхъ, подписанныхъ обвиняемыми и судьями, и при помощи черновика текстъ дѣла можно возстановить почти всегда вполнѣ.

Послѣ ознакомленія съ содержаніемъ этихъ бумагъ выяснилась необходимость искать для нихъ поясненій: въ дѣлахъ о перлюстраціи и перепискѣ прусскихъ дипломатовъ Мардефельда, Варендорфа, Гольца и Финкенштейна 1746 — 1750 г.г. (Части I, II, III, IV, V, VI, VII. Отд. XV. № 88), въ дѣлѣ „письма принцессы Елисаветы Ангальтъ Цербстской къ дочери великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и переписка по поводу вскрытія ихъ на почтѣ вмѣстѣ съ письмами графа Воронцова“ 1746 г., отд. IV, № 107 [1]).

Конечно, такой разнообразный и богатый матеріалъ нельзя исчерпать въ одномъ краткомъ очеркѣ: задача настоящей статьи—пополнить недостаточность свѣдѣній о дѣлѣ Лестока въ 1748 г. и установить на него ту точку зрѣнія, которая кажется правильной послѣ прочтенія всѣхъ вышеуказанныхъ дѣлъ и бумагъ, имѣющихъ къ нему непосредственное отношеніе. Впрочемъ даже и эта, казалось бы, небольшая задача должна отвлечь насъ далеко отъ „суда надъ Лестокомъ въ 1748 г.“: дѣло Лестока можетъ быть понято только въ связи со всей той сложной группировкой политическихъ партій, личныхъ отношеній и придворныхъ вліяній, которыми жилъ кругъ русской знати елисаветинскихъ временъ, въ связи со взглядами людей того времени на государство, государственную дѣятельность и способы междуна-

---

[1]) При ссылкахъ „Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ.“ будутъ обозначаться С. И. Р. И. О. Бумаги изъ Государственнаго Архива—Г. А. Архивъ Воронцова—А. В. Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen—P. C. Томъ—римской цифрой, страница и листъ—арабской.

родныхъ воздѣйствій. Лестокъ былъ конфидентъ, то есть лицо, къ которому Государыня относилась съ особеннымъ довѣріемъ и именно въ вопросахъ государственныхъ, членъ политической партіи; онъ возвысился, принявъ участіе въ переворотѣ, возведшемъ на престолъ Елисавету Петровну, и палъ жертвой интригъ своихъ собственныхъ и враждебныхъ ему лицъ. Въ качествѣ конфидента Лестокъ занималъ важный постъ. Было время, когда онъ являлся самой вліятельной персоной при дворѣ, „докладывалъ и проводилъ дѣла, въ которыя никто другой не рѣшился бы вмѣшиваться“ [1]), такъ что всѣ ищущіе чего либо у Императрицы забѣгали прежде всего къ ея лейбъ-медику. Правительства XVIII вѣка вообще учитывали значеніе такихъ лицъ, какъ фавориты, конфиденты и въ инструкціяхъ дипломатическимъ агентамъ, посланникамъ, посламъ всегда на ряду съ правилами обхожденія съ вельможами и министрами государства, куда направлялся дипломатъ, указано поведеніе по отношенію къ временщикамъ и конфидентамъ. Ихъ-то по преимуществу и старались привлечь въ партію, служившую интересамъ того или иного государства, и при ихъ содѣйствіи направлять и внѣшнія и внутреннія дѣла, сообразно выгодамъ партій, а иногда и иностраннаго государства. При дворѣ Императрицы Елисаветы Петровны было нѣсколько партій. Лестокъ былъ виднымъ и дѣятельнымъ членомъ одной, которая старалась о сближеніи Россіи сначала съ Франціей, а потомъ и съ Пруссіей, почему и получила названіе франко-прусской. Во главѣ ея въ Россіи до 1745 г. (съ нѣкоторымъ перерывомъ) стоялъ маркизъ де ла Шетарди, французскій посолъ, потомъ ею руководили прусскіе министры при русскомъ дворѣ, баронъ Мардефельдъ и графъ Финкенштейнъ, но истиннымъ вдохновителемъ ея всегда былъ прусскій король Фридрихъ Великій. Сближеніе Лестока съ маркизомъ Шетарди произошло еще тогда, когда Елисавета Петровна дѣлала первые шаги къ овладѣнію отцовскимъ престоломъ и ея лейбъ-медикъ и конфидентъ сносился съ французскимъ посломъ, вырабатывая условія, на которыхъ Франція намѣревалась оказать помощь Цесаревнѣ для достиженія ея цѣли. Кромѣ этихъ дѣловыхъ отношеній, между Лестокомъ и маркизомъ вскорѣ установилась и личная дружба. Шетарди любилъ общество, веселіе, живую бесѣду—игру ума,—Лестокъ былъ на рѣдкость интересный собесѣдникъ, отличался впечатлительнымъ,

---

[1]) С. И. Р. И. О. VI. Дипломат. документы, относящ. къ исторіи Россія XVIII стол. 414.

подвижнымъ характеромъ, общительностью, умѣніемъ разсказывать и посмѣшить. Оба они скучали въ Россіи, вдали отъ тѣхъ формъ пріятнаго общежитія, которыя уже упрочились въ З. Европѣ, но едва нарождались въ Россіи. Шетарди, желая сблизиться съ русскими, назначалъ дни для пріемовъ гостей, устраивалъ обѣды, ужины, вечера, звалъ къ себѣ представителей высшаго общества Петербурга, но къ нему никто не являлся: его роскошно освѣщенныя и убранныя привезенной изъ Парижа обстановкой палаты были пусты, кушанья не съѣдены, вина не выпиты, и дошло до того, что Шетарди отправился къ канцлеру, требуя, чтобы онъ приказалъ русской знати посѣщать его домъ въ качествѣ гостей [1]). Лестокъ же говорилъ, что „нигдѣ нельзя съ такимъ удовольствіемъ поговорить, поѣсть, попить и поиграть, какъ въ домѣ у помянутаго министра“ [2]) (Шетарди), и являлся къ нему, какъ могъ чаще. Послѣ переворота 1741 года Лестокъ по рекомендаціи своего друга маркиза сталъ получать отъ Франціи пенсіонъ, а взамѣнъ того вліялъ на государыню въ желаемомъ для Франціи направленіи. И передъ Императрицей и въ правящемъ кругу Петербурга онъ проповѣдывалъ выгоду и необходимость для Россіи оставить ея прежнія союзническія отношенія съ Австріей и морскими державами и заключить договоръ съ Франціей—этимъ, думалъ онъ, совершенно упразднятся наши осложненія по вопросамъ турецкому и шведскому [3]). Вмѣшательство Лестока во внѣшнія дѣла государства было очень значительно, и о немъ заговорили въ З. Европѣ. Этотъ слухъ не ускользнулъ отъ вниманія Фридриха Великаго. Ростъ политическаго и боевого могущества Пруссіи приводилъ эту державу къ соперничеству съ Россіей во многихъ пунктахъ, и Фридрихъ Великій со вступленія своего на престолъ предчувствовалъ необходимость столкновенія съ нашимъ отечествомъ. Поэтому онъ самымъ тщательнымъ образомъ изучалъ его, какъ по существовавшей тогда немногочисленной литературѣ, такъ и по донесеніямъ своихъ дипломатовъ и по отзывамъ лицъ, проживавшихъ когда либо въ Россіи. Какъ результатъ этого, у него сложилось убѣжденіе, что русское правительство не обладаетъ ни долговѣчностью, ни силой, что въ Россіи установился порядокъ въ родѣ преторіанскаго и что глава государства вполнѣ зависитъ отъ расположенія къ нему гвардейскихъ офицеровъ [4]).

---

[1]) С. И. Р. И. О. XCVI.
[2]) С. И. Р. И. О. VI, 430.
[3]) С. И. Р. И. О. VI. Депеши Пецольта. Г. А. VI, № 379, ч. II. Показанія Шапизо.
[4]) Р. С. I—II. Russland.

Еще меньше, по его мнѣнію, были устойчивы министерства; на нихъ совершенно нельзя было полагаться. Такая зыбкость государственнаго строя была слѣдствіемъ свойствъ русской націи и ея вельможъ. Русскій народъ казался Фридриху Великому непостояннымъ и склоннымъ къ броженіямъ, а вельможи были сплошь подкупны, устраивали партіи, думали о себѣ, а не о государствѣ и за деньги служили иностраннымъ, а не русскимъ интересамъ. Нелестное мнѣніе о Россіи первой половины XVIII в. было ходячимъ въ Западной Европѣ, и его подтверждало большинство представителей иностранныхъ державъ, проживавшихъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ томъ же духѣ, какъ прусскій король, писалъ и маркизъ Шетарди, позволяя впрочемъ себѣ еще болѣе рѣзкія и обидныя для нашего самолюбія выраженія [1]). Исходя изъ такого мнѣнія о Россіи, Фридрихъ Великій думалъ, что ему стоитъ лишь приложить нѣкоторое стараніе, образовать въ Россіи свою партію, „пролить“, какъ онъ выражался, „дождь Данаи“, и послѣдуетъ не только желательная для Пруссіи смѣна министерства, но даже и правительства. Послѣдняго до поры до времени Фридрихъ Великій не хотѣлъ, но упрочившееся въ Россіи министерство А. П. Бестужева-Рюмина и его система внѣшней политики были для короля крайне неудобны и непріятны.

Еще при первомъ извѣстіи о вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы, Фридрихъ Великій рѣшилъ занять при дворѣ новой государыни позицію, которая бы позволила ему вліять на дѣла Россіи болѣе, чѣмъ кому бы то ни было. Онъ былъ увѣренъ, что Австрія и Англія готовы перевернуть небо и землю лишь бы увлечь Россію къ союзу съ ними, и не будутъ жалѣть денегъ и интригъ, чтобы составить вліятельную партію. Въ противодѣйствіе имъ прусскій король рѣшилъ примѣнить тѣ средства, которыя онъ считалъ наиболѣе дѣйствительными, т. е. въ свою очередь образовать въ Россіи партію, привлечь въ нее наиболѣе вліятельныхъ людей, а потомъ опять пустить въ ходъ подкупы и интриги. На свои партіи при нашемъ и другихъ дворахъ Фридрихъ Великій смотрѣлъ какъ на своего рода постоянные органы, въ родѣ дипломатическихъ представительствъ.

Озабочиваясь устройствомъ своей партіи въ Россіи, Фридрихъ Великій обращалъ вниманіе Мардефельда на „нѣкоего хирурга Лестока“, интригана, но пользующагося большимъ довѣріемъ Императрицы [2]).

---

[1]) С. И. Р. И. О. XCII, XCVI. О томъ же въ донесеніяхъ секретаря саксонскаго посольства Пецольта. С. И. Р. И. О. VI, loc. cit.

[2]) „Il faudra surtout observer un certin chirurgien, Lestocq, homme que l'on

Мардефельду безъ труда удалось склонить Лестока къ принятію отъ прусскаго короля единовременно 10.000 р. и сверхъ того ежегоднаго пенсіона въ 4.000 рублей, тѣмъ болѣе, что онъ не мѣшалъ ему получать таковой и отъ Франціи.

Къ 1744 году франко-прусская партія въ Россіи была очень сильна. Къ ней примыкали генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, прежде бывшій жестокимъ врагомъ Лестока, но ставшій его сторонникомъ во имя общей ненависти къ Бестужеву; генералъ-аншефъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ, кандидатъ франко-прусской партіи на мѣсто канцлера послѣ низверженія Бестужева, жёны Трубецкаго и Румянцева, а иногда, хотя и мелькомъ упоминается М. И. Воронцовъ.

Изъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи, къ ней принадлежали, кромѣ Лестока, принцесса Елисавета Іоганна Цербстская, недалекій бездарный голштингетторпскій оберъ-гофмаршалъ и воспитатель великаго князя Петра Федоровича Отто-Фридрихъ Брюммеръ и шталмейстеръ того же двора графъ Вахтмейстеръ. Вожаками ея въ Россіи были французскіе министры Далліонъ и маркизъ Шетарди и прусскій— Мардефельдъ, которыхъ тайно направлялъ самъ Фридрихъ Великій [1]).

Въ началѣ царствованія Елисаветы вліяніе этой группы людей на ходъ иностранныхъ дѣлъ Россіи было очень велико, но по мѣрѣ того какъ новый вице-канцлеръ Россіи Бестужевъ-Рюминъ сталъ забирать власть въ свои руки, возможность направлять дѣятельность Россіи по произволу стала уменьшаться. Въ то же время появляется мысль— убрать Бестужева съ занимаемаго имъ поста. Особенно неудобенъ онъ былъ для Франціи и Пруссіи: политическая переписка прусскаго короля въ части, касающейся Россіи, пестритъ проявленіями его ненависти, недоброжелательства, злоумышленій и недовѣрія къ Бестужеву; невѣроятное количество яду, злобы, злословія и даже клеветы разсѣяно по страницамъ, писаннымъ рукою короля: повѣрить ему— такъ Бестужевъ какое-то чудовище, безнравственное, безсовѣстное и сплошь порочное. Должно быть, Фридрихъ Великій и самъ отлично зналъ, что Бестужевъ не такъ ужъ нравственно безнадежно уродливъ, какъ онъ его изобразилъ (по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ писемъ,

---

me depein comme tres intrigan et chaudement attaché aux intérêts de la maison d'Hanover, et que l'on pretand avoir été asser avant dans les bonnes grâces de la nouvelle Imperatrice. C'est souvent par de gens de mince étoffe que se frappent de grands coups". 23 decembre 1741. P. C. I, 440.

[1]) P. C. III, 9. C. И. Р. И. О. CV 170, 174 и т. д.

сопоставляя его съ Воронцовымъ, онъ все-таки отдаетъ предпочтеніе Бестужеву), но по понятіямъ короля главной заслугой въ международныхъ сношеніяхъ былъ успѣхъ, а о справедливости можно было не заботиться.

Отзывы Фридриха Великаго, повредившіе Бестужеву очень мало при его жизни, въ исторіи сыграли очень печальную для памяти великаго канцлера Россіи роль. Уже не говоря о многочисленныхъ панегиристахъ Великаго прусскаго короля, и не фанатически преданныя ему лица все же принимали на вѣру то, что „врагъ всегда говоритъ о врагѣ", и очерчивали, согласно ему, Бестужева какъ глупаго, бездарнаго министра, только вредящаго интересамъ Россіи, купленнаго Англіею и Австріей и нравственно отвратительнаго [1]). Лица, болѣе внимательно изучавшія эпоху и дѣятельность великаго канцлера Елисаветы, къ сожалѣнію немногочисленныя, иначе относятся къ его заслугамъ предъ родиной. Конечно, въ томъ, что онъ дѣлалъ, было много ошибокъ и промаховъ, много неправильнаго, но онъ всегда исходилъ изъ тѣхъ соображеній, что великая страна Россія имѣетъ свои собственныя державныя задачи и цѣли и не должна поступаться ими въ пользу кого бы то ни было. Тѣмъ болѣе онъ не допускалъ мысли, которую такъ лелѣяли французы и пруссаки, что Россія можетъ сдѣлаться орудіемъ и средствомъ для роста другой державы: онъ допускалъ союзническія отношенія, но на вполнѣ равныхъ условіяхъ и только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для Россіи была несомнѣнная польза. Онъ правильно понималъ и истолковывалъ ростъ могущества и значеніе для Европы Пруссіи; особенно же въ вопросахъ польскомъ, курляндскомъ и шведскомъ и, благодаря его проницательности, Пруссія не сдѣлала въ этихъ государствахъ еще большихъ захватовъ, чѣмъ это произошло на самомъ дѣлѣ. Пруссіи и Франціи и Швеціи онъ противуполагалъ союзъ Россіи съ Австріей и морскими державами, въ связи съ которымъ стояли и его мѣропріятія къ Саксоніи, Польшѣ, Швеціи и т. д.

Такая система политики вытекала изъ убѣжденій Бестужева, основанныхъ на его пониманіи роли Россіи въ Европѣ, и до сихъ поръ мнѣ не пришлось нигдѣ найти доказательствъ въ томъ, что до 1749 г. онъ измѣнялъ свои взгляды подъ вліяніемъ подкупа, и даже не уда-

---

[1]) Въ вышеуказанномъ трудѣ Валишевскаго точка зрѣнія автора на Бестужева составлена въ духѣ литературы, пошедшей отъ Фридриха Великаго. Иная оцѣнка Бестужева въ Исторіи Россіи С. Соловьева, въ трудахъ гг. Н. Чечулина и В. Бильбасова и въ статьѣ А. Е. Прѣснякова, Біографич. словарь Русск. Истор. Общ. „Бестужевъ".

лось установить самого факта подкупа [1]). Но если мы оставимъ государственнаго дѣятеля Бестужева и обратимся къ нему какъ къ личности, то въ ней много не только непривлекательнаго, но и отталкивающаго, а это производитъ и на современника и на историка такое непріятное впечатлѣніе, что невольно переносишь личную антипатію къ человѣческому облику Бестужева въ оцѣнку его правительственной дѣятельности.

Какъ въ своихъ достоинствахъ, такъ и въ недостаткахъ Бестужевъ былъ крупной личностью. Природа надѣлила его многими дарами: тонкимъ изворотливымъ умомъ, который проявлялся въ хорошо извѣстныхъ современникамъ „финесахъ" великаго канцлера, своеобразной хитростью, упорствомъ, рѣдкимъ трудолюбіемъ и работоспособностью, а долголѣтняя служба и наблюдательность дали ему опытность въ дѣлахъ и знаніе человѣческаго характера. Самая внѣшность выдѣляла его среди придворныхъ Елисаветы: онъ не былъ такъ красивъ, какъ Алексѣй Разумовскій или Иванъ Шуваловъ, его лицо не играло такимъ живымъ одушевленіемъ и энергіей, какъ у Петра Шувалова, но умное, тонкое, хотя и нечестное выраженіе его производило такое впечатлѣніе, которое запоминается на всю жизнь [2]). Въ своеобразномъ величіи рисуется его образъ въ запискахъ Императрицы Екатерины. Вспоминая о событіяхъ при русскомъ дворѣ въ 1748—49 годахъ, она говоритъ: ссору раздувалъ тогда повсюду графъ Бестужевъ, примѣнявшій отвратительное правило—раздѣлять, чтобы повелѣвать. Ему отлично удавалось смущать всѣ умы; никогда не было меньше согласія и въ городѣ и при дворѣ, какъ во время его министерства [3]); а одинъ изъ участниковъ дѣла Лестока говоритъ о немъ, что канцлеръ хотѣлъ все знать и всѣмъ повелѣвать.

Станиславъ-Августъ Понятовскій такъ описываетъ Бестужева [4]), котораго онъ часто встрѣчалъ и въ домѣ котораго былъ запросто принятъ [5]): „Пока онъ не оживлялся, онъ не умѣлъ сказать четы-

---

[1]) Бестужевъ, правда, принималъ денежные подарки, но лишь отъ дружественныхъ державъ, а по понятіямъ дипломатовъ того времени это было не только въ порядкѣ вещей, но даже своего рода признакомъ довѣрія къ союзнику.

[2]) А. В. XXI. „Mon histoire". Княгини Дашковой, стр. 92.

[3]) Записки, стр. 44.

[4]) Станиславъ Августъ Понятовскій и Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна. По неизданнымъ источникамъ *С. Горяйновъ*, Вѣстникъ Европы, 1908 г., январь.

[5]) Несмотря на это, біографическія свѣдѣнія о Бестужевѣ до 1741 г. совершенно невѣрны.

рехъ словъ подъ рядъ и казался заикающимся. Коль скоро разговоръ его интересовалъ, онъ находилъ и слова и фразы, хотя очень не правильныя, но полныя силы и огня, которыя извлекалъ ртомъ, снабженнымъ четырмя обломками зубовъ, и которыя сопровождались сверкающимъ взглядомъ его маленькихъ глазъ. Выступавшія у него багровыя пятна на синеватомъ лицѣ придавали ему еще болѣе страшный видъ, когда онъ приходилъ въ гнѣвъ, что случалось съ нимъ часто, а когда онъ смѣялся—то былъ смѣхъ сатаны. Онъ понималъ отлично по французски, но предпочиталъ говорить по нѣмецки съ иностранцами, которые владѣли этимъ языкомъ... Иногда онъ былъ способенъ на благородные поступки, именно потому, что онъ по чутью понималъ красоту всякаго рода, но ему казалось столь естественнымъ устранять все, что мѣшало его намѣреніямъ, что онъ не останавливался ни предъ какими средствами. Его душа омрачилась еще болѣе пережитыми имъ событіями тѣхъ страшныхъ царствованій, при которыхъ онъ возвысился. Предлагая оказать услугу тѣмъ, которыхъ онъ называлъ своими друзьями, даже съ помощью средствъ самыхъ неблаговидныхъ, онъ находилъ весьма страннымъ, чтобы можно было совѣститься.

Какъ во всемъ, онъ былъ настойчивъ въ томъ, чего хотѣлъ. Онъ всю свою жизнь былъ приверженцемъ Австріи, до ярости отъявленнымъ врагомъ Пруссіи. Вслѣдствіе этого, онъ отказался отъ милліоновъ, которые ему предлагалъ прусскій король. Но онъ не совѣстился принять подношенія и даже просить о немъ, когда онъ говорилъ съ министромъ Австріи, или Англіи, или Саксоніи, или другого какого либо двора, которому онъ считалъ нужнымъ благодѣтельствовать для пользы своего собственнаго отечества. Принять подачку отъ государя, связаннаго дружбой съ Россіей, было по его понятіямъ не только въ порядкѣ вещей, но своего рода признаніемъ могущества Россіи, славы которой, по своему, онъ дѣйствительно желалъ".

Борьба Бестужева за власть ознаменована рядомъ „дѣлъ": дѣло Ботты, дѣла Шетарди, Брюммера, Лестока—этапы его пораженій и побѣдъ. Это вытекало изъ тѣхъ взглядовъ на отдѣльныя личности, которыхъ держалась Елисавета, ихъ вліяніе на дѣла, или же принадлежность къ той или иной партіи: каждое такое дѣло было связано съ группировкой придворныхъ и даже большею частью съ международными интригами, находящими свой отголосокъ при русскомъ дворѣ. Дѣла эти затѣвались для того, чтобы свалить какого-нибудь крупнаго государственнаго дѣятеля, но большею частью всею тяжестью обрушивались на людей менѣе значительныхъ и вліятельныхъ.

Въ началѣ августа 1743 года Лестокъ отъ имени Императрицы увѣдомилъ прусскаго короля, что въ Петербургѣ готовился государственный переворотъ, имѣвшій цѣлью возвести на престолъ Іоанна VI, но не удавшійся, такъ какъ былъ своевременно обнаруженъ. Въ этомъ извѣщеніи рѣчь шла о знаменитомъ заговорѣ цесарскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ маркиза Ботто д'Адорно, или, иначе, „о дѣлѣ секретномъ Степана Лопухина, жены и его сына съ ихъ сообщниками". Истинная цѣль этого дѣла была возстановить Елисавету противъ Австріи и ея сторонниковъ Бестужевыхъ [1]).

Получивъ отъ Лестока увѣдомленіе о возникновеніи дѣла о маркизѣ Боттѣ, Фридрихъ Великій возликовалъ—ему казалось, что онъ наканунѣ осуществленія всѣхъ своихъ завѣтныхъ помышленій и торжества своей партіи при дворѣ Елисаветы Петровны. Дѣло Ботты онъ называетъ „революціей" въ Россіи, подразумѣвая неизбѣжную съ его точки зрѣнія смѣну министерства Бестужева и удаленія отъ дѣлъ всѣхъ близкихъ ему людей и единомышленниковъ. Для довершенія ея онъ считалъ все же нужнымъ еще болѣе вооружить Императрицу противъ ненавистныхъ ему людей, и Мардефельдъ отъ его имени долженъ былъ внушить лично или чрезъ посредство Воронцова и Лестока Елисаветѣ увѣренность въ томъ, что всѣ сторонники Англіи, Австріи и Саксоніи только и думають, какъ бы низложить ее съ престола и возвести на него царя изъ Брауншвейгской династіи, при которомъ смогутъ распоряжаться Россіей, какъ захотятъ.

Для торжества своихъ Фридрихъ Великій былъ готовъ не жалѣть ни денегъ, ни силъ, ни вліянія своихъ сторонниковъ: „раздувайте огонь противъ враговъ или ложныхъ друзей, куйте желѣзо, пока оно горячо", поощряетъ онъ Мардефельда и предписалъ ему непремѣнно довести до свѣдѣнія Императрицы лично или чрезъ посредничество Воронцова или Лестока, что онъ, прусскій король, ея другъ, ненавидитъ и Ботту и всѣхъ его друзей, а предпріятія ихъ и росказни презираетъ. Для того же, чтобы обезпечить престолъ отъ покушеній

---

[1]) Указъ объ арестѣ Ивана Лопухина 21-го іюля 1743 г. Дѣло кончено 29-го августа 1743 г. Г. А. VI, № 368. Дѣло: Слѣдствіе, судъ и ссылка въ Сибирь обвиненныхъ въ оскорбленіи величества Степана, Ивана и Натальи Лопухиныхъ, графини Анны Бестужевой-Рюминой, Ивана Мошкова, князя Ивана Путятина и Софіи Лиліенфельдъ, ч.ч. I, II, III. См. Наталья Федоровна Лопухина статсъ-дама двора Императрицы Елисаветы Петровны. Біограф. очеркъ и дѣло ея. Русск. Стар. 1874. Т. XI, 1—191. Ib., 1875. XII, 400.

въ пользу Брауншвейгскаго дома, Фридрихъ Великій давалъ государынѣ рядъ совѣтовъ [1]).

„Скоропостижному“ королю казалось, что при удачѣ „революціи“ Пруссія окажется въ огромномъ выигрышѣ [2]). Такой переворотъ дастъ ему возможность смотрѣть на Россію, какъ на страну, поступающую во всемъ и всегда согласно интересамъ прусскаго короля. Не считаясь съ ея мнѣніемъ и даже существованіемъ, Фридрихъ Великій разсчитывалъ уже „jouer un beau rôle en Allemagne“. Онъ былъ настолько обрадованъ, что даже забывалъ обычную осторожность въ выраженіяхъ и поясняетъ Мардефельду, какую роль онъ хочетъ играть въ Германіи и на что ему нужна Россія. Она должна дать ему гарантію въ присоединеніи Силезіи, а затѣмъ предоставить Фридриху дѣлать и поступать во всемъ, что касается Германіи, такъ, какъ онъ найдетъ нужнымъ для блага и чести Священной имперіи.

Затѣмъ Россія должна была объединить свои интересы съ прусскими [3]), или, иначе, стать въ зависимость отъ этой державы, и Фридриху Великому уже казалось, что наступило время, которое онъ развязно охарактеризовалъ: „que j'y (при русскомъ дворѣ) puisse faire seul la pluie et le beau temps, selon ma convenance“ [4]).

Не одинъ Фридрихъ Великій понималъ дѣло Ботты какъ „революцію“, т. е. паденіе министерства. Всѣ враги Бестужева считали его такимъ ударомъ, отъ котораго уже не оправиться ни самому вице-канцлеру, ни брату его оберъ-гофмаршалу графу Михаилу Петровичу. Именно съ такой цѣлью оно и было возбуждено и раздуто Лестокомъ [5]).

---

[1]) P. C. II, 406—407.

[2]) Une des conjonctures les plus heureuses qui puissent arriver pour la Prusse dans les conjonctures présantes. P. C. II, 409.

[3]) C'est a presant le temps, ou ce ne le sera jamais de lier nos intérêts avec la Russie aussi fortement que possible, faites tous vos efforts pour que je réussisse et comptez que je ne vous laisserai point sans assistance; en un mot, il faut que nos intérêts et ceux de l'Imperatrice soient absolument les mêmes“. P. C. II, 407.

[4]) P. C. II, 412.

[5]) С. И. Р. И. О., VI. 490—495. Gleich wie es Lestocq vornehmlich auf die Brüder Bestuchew angelegt hat, also hat er, da sich wieder selbige nicht die mindeste Anzeigung hervorthun wollen, die Sache schon von einer anderen Seite angriffen und der Kaiserin vorgebracht, dass wenn Sie die Oberhofmarschall sowohl als den Vicekanzler anders und so zu placiren, dass sie zu Ausübung einer Rache keine Gelegenheit behielten. Ib. 496. То же С. И. Р. И. О. CV, 89 и т. д. Le général en chef Ouchakoff, le procurer-general Troubezkoï et m. de Lestocq sont chargés d'examiner les criminels. Les deux derniers ennemis jurés des Bestoucheff, trouveront infailliblement de quoi les attaquer. Ib. 59.

Передано оно было въ руки людей враждебной Бестужевымъ партіи генералу аншефу Ушакову, генералъ-прокурору Трубецкому и Лестоку, которые приложили всѣ старанія къ тому, чтобы впутать въ это вымышленное злодѣяніе ненавистныхъ имъ братьевъ, пользуясь хорошими отношеніями, которыя существовали между „заговорщиками“ и женой Михаила Бестужева. Въ воображеніи членовъ франко-прусской партіи уже рисовалось отстраненіе обоихъ Бестужевыхъ отъ дѣлъ, ссылка въ отдаленныя деревни, въ Сибирь, а наиболѣе увлекающіеся, въ родѣ Лестока, уже видѣли воздвигнутый для Алексѣя Петровича Бестужева эшафотъ. Конечно, все это было только злобной фантазіей враждебно настроенныхъ къ нему людей, но все же имя Бестужевыхъ было названо въ связи съ дѣломъ, которое приняла очень близко къ сердцу Императрица, и на нихъ пала тѣнь какой-то виновности: Михаила Петровича даже удалось выпроводить изъ Россіи, чего впрочемъ онъ и самъ искалъ, а Алексѣй Петровичъ поневолѣ долженъ былъ стать не такимъ крутымъ въ обращеніи съ непріятелями, какимъ былъ раньше. Далліонъ даже нашелъ возможнымъ сообщить своему правительству, что вице-канцлеръ пресмыкается всюду, какъ червякъ, не переставая все же язвить Францію [1]). Враги явно осмѣлѣли: при докладахъ Императрицѣ вице-канцлеру приходилось выслушивать отъ государыни ихъ же слова изъ ея устъ, и онъ не смѣлъ противорѣчить. Проводились такіе замыслы, за которые потомъ Россіи приходилось не дешево расплачиваться, и, наконецъ, при одномъ изъ докладовъ въ январѣ 1744 г. Бестужевъ услыхалъ, „что въ нынѣшнее время только оной прусской да другой французской дворы съ прямою склонностью и дружбой поступаютъ и Ея Императорское Величество никакой причины къ неудовольствію на нихъ не имѣетъ, нежели какъ прочіе дворы, яко то англинской и вѣнской“ [2]). Этими словами Елисавета высказывала полное несочувствіе ко всей политической системѣ вице-канцлера: его положеніе было крайне не твердо, и хотя непричастность его къ дѣлу Ботты была вполнѣ очевидна, однако и изъ него онъ могъ усмотрѣть, какъ часто вообще непричастныхъ къ какому бы то ни было преступленію людей можно подвергнуть розыску, пыткѣ, безчеловѣчному наказанію и ссылкѣ въ Сибирь. Если въ 1743 г. его враги спасовали, то это вовсе не обозначало, что они сложили руки. Бестужевъ отлично зналъ и ихъ энергію и ихъ заин-

---

[1]) С. И. Р. И. О., CV. 68.

[2]) А. В. VI, 9.

тересованность въ его паденіи. Надо было найти способъ не только бороться со всѣми ихъ явными хитросплетеніями, но и проникнуть въ самую суть ихъ тайныхъ замысловъ. Между Бестужевымъ и его противниками закипаетъ напряженная жестокая борьба, ареною которой былъ не только русскій дворъ, но всѣ тѣ мѣста, гдѣ были затронуты русскіе интересы и находились представители нашей политики. Съ громадной энергіей, умомъ и ловкостью онъ проникаетъ въ махинаціи своихъ зложелателей и наноситъ имъ одинъ тяжелый ударъ за другимъ. Не имѣя возможности останавливаться на всѣхъ, отмѣтимъ лишь, что первымъ было разоблаченіе интригъ Шетарди и высылка его изъ Россіи, въ связи съ чѣмъ находится и удаленіе Брюммера съ Вахмейстеромъ и немилость къ принцессѣ Цербстской и паденіе авторитета Лестока.

Затѣмъ Бестужевъ ловко воспользовался безтактнымъ поведеніемъ Мардефельда и устроилъ ему вынужденный отзывъ изъ Россіи, наконецъ, онъ вывелъ на чистую воду всю франко-прусскую партію, возбудивъ дѣло о Лестокѣ и его единомышленникахъ. Раскрыть все это ему удалось при помощи перлюстраціи. Перлюстрація состояла въ томъ, что письма, имѣющія отношенія къ иностранцамъ въ Россіи или къ русскимъ, проживавшимъ за границей, особенно же къ иностраннымъ министрамъ, или отъ послѣднихъ на родину—вскрывались и отправлялись въ особую секретную перлюстраціонную экспедицію Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Исключеніе дѣлалось только для коронованныхъ лицъ, письма которыхъ не открывали. Пакеты изъ почтамта за печатью почтъ-директора принимались въ коллегіи или на дому у Бестужева секретаремъ коллегіи Ивановымъ или довѣреннымъ переводчикомъ Дмитріемъ Волковымъ [1]). Перехваченныя письма переписывались и подлинныя возвращались на почту, гдѣ ихъ вновь запечатывали поддѣланными печатями. Тѣ же, которыя канцлеръ считалъ нужнымъ сохранить, удерживались и оставались въ коллегіи или на дому у Бестужева. Такъ какъ перлюстрація практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ всѣми европейскими дворами, то дипломаты съ обыкновенными депешами сообщали своимъ дворамъ только обычныя новости, о которыхъ говорили всѣ, или же то, чего нельзя было сказать въ глаза, но что они желали довести до свѣдѣнія двора, при которомъ были аккредитованы, использовывая перлюстрацію въ своихъ интересахъ. Важныя же новости и тайныя

[1]) Впослѣдствіи знаменитый конференцъ-секретарь.

сообщенія скрывали подъ шифромъ, или цифирью, которую притомъ очень часто измѣняли. Но такъ какъ всякая насущная потребность вызываетъ къ жизни соотвѣтственнаго спеціалиста, нашлись спеціалисты вскрывать цифирь. При Бестужевѣ таковымъ былъ Гольбахъ, получившій впослѣдствіи титулъ барона. Дешифрованныя письма переводились на русскій языкъ и подносились Бестужеву, который ихъ внимательно прочитывалъ, отмѣчая важныя мѣста краснымъ карандашемъ, кое что вычеркивалъ, кое что передѣлывалъ и снабжалъ ихъ своими замѣчаніями и поясненіями—ремарками. Затѣмъ депеши съ ремарками канцлера переписывались на бѣло и подносились Императрицѣ или лично Бестужевымъ или оберъ-секретаремъ, который обязанъ былъ всякій разъ послѣ доклада тщательно провѣрить бумаги и всѣ ихъ убрать изъ аппартаментовъ часто разсѣянной и забывчивой Императрицы.

Перлюстрація, какъ это и было уже указано, вовсе не была изобрѣтеніемъ Бестужева. Даже и въ Россіи ее начали пускать въ ходъ еще при Петрѣ Великомъ; самъ Бестужевъ въ 1727—28 году испыталъ непріятность по службѣ изъ-за перехваченныхъ писемъ, попавшихъ не туда, куда ихъ адресовали. Въ 1741 году, вступивъ въ управленіе иностранными дѣлами, онъ нашелъ въ бумагахъ Остермана множество своихъ же писемъ и писемъ многихъ людей, близкихъ къ нему. Но перлюстрація, организованная въ 1742 году [1]) Бестужевымъ, была въ его рукахъ кое чѣмъ инымъ, чѣмъ она была и до и послѣ него. Пользуясь ею, онъ могъ чаще, чѣмъ обычно, привлекать вниманіе Императрицы къ иностраннымъ дѣламъ, сосредоточивать его на томъ, что онъ считалъ важнымъ, и освѣщать всѣ вопросы политики по своему. Даже докладывая „перелюстрацію" чрезъ оберъ-секретаря, при помощи искусно подобранныхъ выписокъ и ремарокъ, Бестужевъ могъ подкрѣплять у Императрицы тѣ взгляды, которые раньше ему уже удалось ей внушить какъ правильные.

Принявъ перлюстрацію отъ предшественниковъ и преобразовавъ ее по своему, Бестужевъ стремился расширить поле ея дѣятельности и 19-го февраля 1743 г. черезъ посредничество Мардефельда запросилъ прусское правительство, не сочтетъ ли оно возможнымъ разрѣшить вскрывать и перехватывать въ берлинскомъ почтамтѣ переписку

---

[1]) Именной указъ о порученіи дѣйств. тайн. совѣтнику и вице-канцлеру Алексѣю Бестужеву-Рюмину завѣдывать почтами во всемъ государствѣ, 19-го марта 1742 г. Опись Высочайшихъ указовъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ, составленная Барановымъ. № 8788.

Лестока и Брюммера съ уѣхавшимъ въ то время на родину маркизомъ Шетарди. Фридрихъ Великій приказалъ вѣжливо отклонить это ходатайство [1]).

Иначе отнеслось къ подобному предложенію австрійское правительство. Какъ это будетъ показано ниже, оно не только сообщало русскому двору тѣ свѣдѣнія, которыя добывало изъ своей перлюстраціи и которыя касались Россіи, но дешифрировало для нашего министерства депеши, перехваченныя въ Петербургѣ, писанныя такой цифрью, ключъ отъ которой находился только въ Вѣнѣ.

Въ благодарность за это, содержаніе всѣхъ перехватываемыхъ въ Россіи депешъ сообщалось вѣнскому двору [2]).

Вторымъ, кромѣ перлюстраціи, средствомъ, для вліянія на Императрицу, были у Бестужева доклады.

Подкрѣпленные данными, добытыми изъ подлинныхъ писаній его враговъ, въ очень обдуманной обработкѣ, они всегда производили на Елисавету сильное впечатлѣніе. Императрица сама не разъ признавалась въ этомъ и врагамъ канцлера и его друзьямъ. Она не любила Бестужева, чувствовала къ нему какое-то физическое отвращеніе, особенно къ его манерѣ говорить, какъ бы заикаясь, съ трудомъ цѣдить слова одно за другимъ сквозь зубы, или, вѣрнѣе, сквозь остатки зубовъ. Отталкивала ее и приверженность его къ спиртнымъ напиткамъ. Но въ то же время Императрица вѣрила въ политическую мудрость и проницательность Бестужева, въ то, что онъ съумѣлъ ей внушить при своихъ докладахъ, много разъ показывая ей, какъ вѣрно исполняется все, что онъ давно предсказывалъ и предусматривалъ. Эти качества Бестужева Елисавета цѣнила такъ высоко, что не находила для него достойнаго замѣстителя, несмотря на всѣ старанія многихъ людей, которыхъ Императрица любила и уважала, побуждавшихъ ее удалить Бестужева отъ дѣлъ. Послѣдній, со своей стороны, не оставался безгласнымъ и беззащитнымъ: пользуясь перлюстраціей и докла-

[1]) Man muss ihm ganz höflich und sehr poliment antworten, dass ob Ich gleich dem von Bestushew gern im allen Weise gefalig sein wolte, es dennoch nicht anginge weil Ich nicht die Kaiserin von solcher Correspondance melirt wäre und alles auf Dero Ordre geschähe. Solte die Kaiserin aber von dieser Sache nicht meliert sein, so glaubte Ich, er der p. von Bestuschew, vürde Mittel haben, dass verlangete auf den russischen Posten thun zu lassen. P. C. II, 332.

[2]) По этому поводу Бестужевъ въ 1749 году докладывалъ Императрицѣ и показывалъ ей неудобство обнаруживать передъ союзническимъ дворомъ всѣ, часто очень непривлекательныя, подробности жизни двора и страны, о которыхъ, сгущая краски, писали министры враждебныхъ намъ державъ.

дами, онъ устранялъ своихъ враговъ одного за другимъ, опираясь при этомъ на волю самой Елисаветы [1]).

Подобнымъ образомъ поступилъ Бестужевъ и при началѣ дѣла о маркизѣ Шетарди.

При докладѣ 3-го апрѣля 1744 года, „напослѣди, отъ государственнаго вице-канцлера даны Ея Императорскому Величеству запечатанныя въ пакетѣ извѣстныя секретнѣйшія, съ цифровъ разобранныя, маркиза Шетарди письма, со всеподданѣйшимъ при томъ представленіемъ и прошеніемъ о всемилостивѣйшимъ защищеніи отъ всего того, если изъ оныхъ писемъ Ея Императорское Величество высочайше усмотрѣть изволитъ, какіе на него оклеветанія и происки происходятъ, яко онъ въ повѣренныхъ ему дѣлахъ никогда инако не поступаетъ и поступать не можетъ, какъ токмо присяжная его должность и вѣрная служба требуетъ, въ чемъ всегда предъ Богомъ и предъ Ея Императорскимъ Величествомъ отвѣтъ дать можетъ“ [2]).

Слѣдствіемъ этого доклада 3-го апрѣля 1774 г., кромѣ уже указанныхъ [3]), было возведеніе Бестужева въ званіе великаго канцлера [4]), т. е. усиленіе и упроченіе его положенія, и именной указъ Императрицы о томъ, чтобы никто изъ постороннихъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ лицъ не вмѣшивался въ сношенія съ чужестранными министрами и не имѣлъ съ ними обхожденія за исключеніемъ офиціальныхъ обѣдовъ и тому подобныхъ случаевъ. Объ этомъ указѣ Императрица лично сообщила сильно замѣшанному въ продѣлки Шетарди Лестоку.

По замѣщеніи поста канцлера нужно было назначить вице-канцлера, и предусмотрительный Бестужевъ озабочивался этимъ еще до апрѣля 1744 г. Сряду, послѣ смерти Бреверна (январь 1744 г.), онъ представлялъ Императрицѣ, что наилучшимъ помощникомъ ему будетъ пользующійся большими симпатіями, довѣріемъ и милостью Императрицы ея старый слуга и свойственникъ дѣйствительный камергеръ графъ Михайла Ларивоновичъ Воронцовъ. Расположеніе Бестужева

---

[1]) При докладѣ 23-го декабря 1743 года вице-канцлеръ и тайн. сов. Бреверпъ подали Императрицѣ прошеніе о защищеніи ихъ отъ французскихъ происковъ и интригъ въ Россіи и Швеціи съ приложеніемъ соотвѣтственныхъ перлюстрацій. А. В. IV, 367—378.

[2]) А. В. IV, 69.

[3]) Высылка Шетарди (6-го іюня 1744 г.) и удаленіе нѣкоторыхъ интригановъ.

[4]) Именной указъ о пожалованіи 15-го іюля вице-канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина—въ канцлеры. Опись Высоч. указамъ, хранящ. въ Сенатѣ. Составл. Барановымъ. Указъ 25-го іюля 1744 г. № 9288.

къ послѣднему могло за время съ января по августъ 1744 г. лишь усилиться, такъ какъ Воронцовъ, тогда очень нерасположенный къ Франціи, принялъ дѣятельное участіе въ высылкѣ Шетарди и усиленіи вліянія вице-канцлера.

Поэтому 24-го іюня 1744 г. Бестужевъ подалъ Императрицѣ записку, въ которой „безъ всякаго похлѣбства, но по единой присяжной къ Е. И. В. [1]) всерабской вѣрности", „для Высочайшаго интереса и государственной пользы толь честного и совѣстнаго и чрезъ многіе опыты вѣрно-ревностного В. И. В. радѣтельнаго раба"—М. И. Воронцова вновь предлагалъ назначить въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ на мѣсто Бреверна. Елисавета согласилась на представленіе Бестужева, но съ той разницей, что, возведя его въ санъ канцлера, въ тотъ же день возвела Воронцова въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и въ вице-канцлеры [2]).

Ходатайствуя за Воронцова и давая ему такую лестную характеристику, Бестужевъ очевидно смотрѣлъ на будущаго вице-канцлера какъ на своего единомышленника и сторонника, врага и Франціи и Пруссіи. Но если онъ отчасти былъ правъ относительно первой, то совершенно ошибался на счетъ второй.

Фридрихъ Великій, еще раньше чѣмъ его россійскій противникъ, обратилъ вниманіе на значеніе Воронцова при дворѣ и на возможное вліяніе его на Императрицу.

1-го іюня 1743 онъ сообщалъ Мардефельду, что планъ непріятнаго для Фридриха четверного союза рухнулъ, благодаря вмѣшательству въ это дѣло М. И. Воронцова, на счетъ котораго онъ помѣщаетъ по этому случаю много лестнаго въ своихъ рескриптахъ. Съ тѣхъ поръ прусскій министръ долженъ былъ: „de plus en plus cultiver la confidence et l'amitié du sieur Woronzow", въ знакъ пріязни къ которому король послалъ драгоцѣнный перстень и свой портретъ [3]), а въ іюлѣ слѣдующаго года выхлопоталъ ему титулъ графа священной римской Имперіи [4]). Такъ какъ около этого же времени по ходатайству того же прусскаго короля должны были получить графскій титулъ его „друзья" Лестокъ и Брюмеръ, то, чтобы отмѣтить разницу между ними и Воронцовымъ, графская грамота послѣдняго была подписана мѣсяцемъ ранѣе, единовременно съ таковой же для Разумовскихъ.

---

[1]) Титулъ и впредь будетъ писаться сокращенно—Е. И. В. и Е. И. В.

[2]) Указъ 25-го іюля 1744 г. Опись Баранова. № 9288.

[3]) Р. С. II. 370, 408 и сл.

[4]) Р. С. III. 178, 180, 188.

Всѣ эти услуги Фридрихъ дѣлалъ пока какъ бы авансомъ—впередъ, такъ какъ отлично зналъ о тогдашней пріязни Воронцова къ А. П. Бестужеву и даже предполагалъ, что послѣдній удержался въ 1743 году на своемъ посту только вслѣдствіе ходатайства Воронцова передъ Императрицей: прусскій король, несмотря на все это, считалъ его „своимъ“ и говорилъ, что: „il a toujours été porté pour mes intérêts“ [1]).

Поэтому, узнавъ въ августѣ (30-го) 1744 о назначеніи гр. Воронцова вице-канцлеромъ, онъ очень обрадовался такому повышенію намѣченнаго имъ человѣка и уже въ началѣ сентября (6-го) послалъ Мардефельду предписаніе предложить Воронцову 50.000 рублей единовременно и соотвѣтственную ежегодную пенсію съ тѣмъ, чтобы вице-канцлеръ согласился защищать интересы Пруссіи въ Россіи [2]). Въ этой депешѣ короля Воронцовъ впервые названъ тѣмъ именемъ, подъ которымъ впредь онъ будетъ всегда упоминаться въ перепискѣ короля и его министровъ—„amy imporant“, или какъ переводилъ Волковъ—„важной пріятель“. Лестокъ фигурировалъ въ ней, какъ „amy intrepide“—„смѣлой пріятель“.

Къ концу 1744 года Воронцовъ уже согласился принять и единовременный подкупъ и ежегодный пенсіонъ отъ Пруссіи. Но тогда же у прусскаго короля появляется мысль о напрасно затраченныхъ деньгахъ. Онъ характеризуетъ Воронцова, какъ человѣка въ высшей степени ненадежнаго, двуличнаго, увѣряетъ, что въ отношеніи Шетарди онъ велъ себя прямо-таки предательски, притворяясь другомъ маркиза и подбивая его дѣлать такіе шаги, которые безповоротно губили его [3]). Въ теченіе 1745 и 1746 года подобнаго рода сѣтованія и мысли повторяются въ политической перепискѣ короля очень часто. Происходило же это оттого, что, при властномъ характерѣ Бестужева и его способѣ веденія дѣлъ, сравнительно молодой и очень неопытный Воронцовъ, конечно, и при желаніи не могъ направлять дѣла такъ, какъ бы хотѣлъ и онъ самъ, не говоря уже о желаніяхъ Фридриха Великаго. Время послѣ удаленія Шетарди было началомъ расцвѣта всемогущества канцлера, и только его враги возмущались и его правительственной системой и его пріемами управленія вообще и перлюстраціей въ частности. Не обращая на нихъ вниманія, канцлеръ продолжалъ свое дѣло и разоблачалъ передъ Императрицей всѣ закулисныя продѣлки главныхъ персонажей ея двора. Благодаря

---

[1]) P. C. III. 180. 145.

[2]) P. C. III. 262—263, 267, 307.

[3]) P. C. III. 340.

этому, кредитъ Лестока падалъ все ниже и ниже: его вліяніе къ 1746 году было почти совершенно уничтожено, и объ этомъ писалъ даже своимъ повѣреннымъ Фридрихъ Великій. Дѣла прусскаго короля въ Россіи вообще были въ плохомъ состояніи: Воронцовъ путешествовалъ за-границей и былъ въ немилости, Лестокъ занималъ, съ его точки зрѣнія, недостаточно видное положеніе и не внушалъ довѣрія, наконецъ, Бестужевъ повернулъ дѣла такъ, что Фридриху приходилось отзывать, въ самый неудобный для него моментъ, Мардефельда, многоопытнаго въ дѣлахъ и порядкахъ Россіи и пользующагося полнымъ довѣріемъ короля [1]). Въ довершеніе непріятности ему давали понять, что причиной удаленія прусскаго министра была его прикосновенность къ продѣлкамъ Шетарди и Лестока, интриги, къ которымъ былъ причастенъ и самъ король. Однако Фридрихъ рѣшилъ оттянуть отъѣздъ Мардефельда изъ Россіи на возможно дальній срокъ [2]) и во всякомъ случаѣ до возвращенія въ Россію Воронцова, относительно котораго у короля назрѣлъ теперь окончательный планъ: завлечь его вполнѣ въ свои замыслы, подкупить еще болѣе крупной суммой и противупоставить соперникомъ и замѣстителемъ Бестужеву [3]). Сообразно этому, онъ предписывалъ при встрѣчѣ Воронцова въ Берлинѣ „se surpasser à son égard en politesses et civilités“ [4]). Очаровавъ его пріемомъ, прусскій король намѣревался внушить ему нѣкоторыя соображенія относительно дальнѣйшаго поведенія въ Россіи и особенно на счетъ Бестужева и его поступковъ. Сначала, при слухѣ о поѣздкѣ Воронцова, минуя Берлинъ, черезъ Франкфуртъ, Фридрихъ хотѣлъ послать къ нему особеннаго уполномоченнаго, затѣмъ онъ пытался устроить это черезъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ барона le Chambrier въ Парижѣ, но, потерпѣвъ неудачу въ этихъ попыткахъ [5]), взялся за дѣло

[1]) 30-го ноября 1745 г. Фридрихъ получилъ извѣстіе о заявленіи принцессы Цербстской: que l'impératrice lui avait donné une commission fort désagréable, en lui écrivant de Riga de prier Votre Majesté instamment de rappeler Mardefeld, qui était intrigant et inquiet; que tout autre ministre de Votre Majesté lui serait agréable pourvu, que ce ne fût ni Mardefeld ni Vocerodt, parce que le dernier avait un pied trop familier avec Lestocq. P. C. IV. 359. Переводъ съ письма Императрицы Елисаветы къ принцессѣ Ангальтъ Цербстской отъ 8-го октября 1745 г. Осмнадцатый вѣкъ. Т I, стр. 29. Тоже В. Бильбасовъ, Истор. Екатерины Второй. Изд. 2-е, Берлинъ 1900, Т. I, стр. 192.

[2]) P. C. V. 53.

[3]) Воронцовъ былъ въ Берлинѣ съ 17-го по 23-го октября 1745 г. P. C. IV. 315, 323.

[4]) Съ начала 1746 г. вполнѣ опредѣленно. P. C. V. 12.

[5]) P. C. V. 44. 60. 61.

самъ [1]). Онъ рѣшилъ встрѣтить Воронцова фразой, что въ Петербургѣ его ждутъ подмостки, на которыхъ онъ можетъ съиграть блистательную роль. Ему должно низложить Бестужева, который своей нелѣпой и вредной политикой унижаетъ Императрицу и вредитъ ея интересамъ въ Западной Европѣ. Фридриху казалось вообще невозможнымъ присутствіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ двухъ канцлеровъ. Такое мнѣніе высказалъ онъ и Воронцову. Между канцлерами неизбѣжна борьба. Одинъ изъ нихъ долженъ оставить свое мѣсто и имъ, конечно, будетъ Бестужевъ. Воронцовъ, должно быть, если не во всемъ, то во многомъ согласился съ Фридрихомъ Великимъ и обѣщалъ поступать согласно его наставленіямъ, такъ какъ король остался имъ очень доволенъ и говорилъ своимъ приближеннымъ, что онъ вынесъ отъ этого свиданія съ Воронцовымъ впечатлѣніе несравненно болѣе благопріятное, чѣмъ отъ предыдущаго. При разставаніи онъ осыпалъ его милостями и подарилъ шпагу, эфесъ и ножны которой были богато украшены драгоцѣнными камнями. Воронцовъ былъ въ восторгѣ и отъ пріема и отъ самого короля и выразилъ свои чувства въ письмѣ Мардефельду, которое, конечно было перехвачено.—Бестужевъ увидалъ, что и вице-канцлеръ предается „идолопоклонству"—обожанію прусскаго короля. Въ октябрѣ 1746 года Фридрихъ Великій, отозвавъ Мардефельда въ Берлинъ, уже слалъ инструкцію секретарю посольства въ Петербургѣ Варендорфу. Изъ нея Бестужевъ могъ бы узнать [2]), что главной заботой короля было, чтобы Варендорфъ „наблюдалъ, какимъ образомъ графъ Воронцовъ, только что возвратившійся изъ Берлина, возьмется за дѣло и сможетъ опрокинуть своего противника", т. е. канцлера. Въ срединѣ ноября до Фридриха стали доходить вновь неутѣшительные слухи о Воронцовѣ. Лично къ нему Императрица, правда, относилась очень милостиво, но въ дѣлахъ не довѣряла и, какъ выражался король, „Воронцовъ не могъ дѣлать для своихъ друзей даже маленькихъ услугъ" [3]).

Такое паденіе кредита вице-канцлера объясняется тѣмъ, что Бестужевъ изъ перлюстраціи убѣдился, что Воронцовъ выдаетъ Пруссіи и Франціи многія тайны, касающіяся двора и дѣлъ, даже государственной важности, но до поры до времени объяснялъ его поведеніе легкомысліемъ и болтливостью, допустимой и у честнаго человѣка

---

[1]) Р. С. V. 138—140. 142—143.

[2]) Письма короля Елисавета запретила перехватывать, о чемъ Бестужевъ неоднократно выражалъ сожалѣніе при докладахъ Императрицѣ.

[3]) Р. С. V. 270.

въ житейскихъ дѣлахъ, но недопустимой на службѣ. Въ такомъ родѣ онъ докладывалъ о Воронцовѣ и Императрицѣ.

Однако съ 1746 г. въ руки Бестужева стали попадать такіе документы, которые все болѣе и болѣе убѣждали его въ томъ, что вице-канцлеръ переходитъ въ партію его враговъ, ведетъ какіе-то переговоры съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной, сносится съ прусско-французскими партизанами и, наконецъ, канцлеръ нашелъ слѣды того, что Воронцовъ подкупленъ Пруссіей. Бестужевъ выяснилъ это въ связи съ ходомъ дѣлъ, которыя какъ для него, такъ и для Фридриха имѣли первостепенную важность: въ связи съ переговорами съ Англіей на счетъ субсиднаго договора, который Россія предполагала заключить съ этой державой.

Съ 1746 г. Фридрихъ съ возрастающею опредѣленностью высказывается относительно Россіи въ томъ смыслѣ, что она для него не страшна, такъ какъ нападеніе съ ея стороны не мыслимо изъ-за отсутствія денегъ. Но если Россіи будетъ дана субсидія, то она двинетъ войска туда, куда понадобится субсидирующей державѣ. Особенно страшной ему казалась Англія, намѣренія которой были ему неясны и правительство которой къ 1748 году располагало значительными денежными суммами для веденія войны. Съ большой тревогой слѣдилъ прусскій король за переговорами о приготовленіи въ Россіи, по соглашенію съ Англіей, русскаго вспомогательнаго корпуса для посылки на Рейнъ, но еще съ большимъ вниманіемъ отнесся онъ къ слухамъ о началѣ переговоровъ о субсидной конвенціи между Петербургскимъ и Лондонскимъ дворомъ. Сначала Фридрихъ пробовалъ отвлечь Англію отъ Россіи и завелъ соотвѣтственные переговоры [1]). Одно время, когда ему удалось привлечь симпатіи англійскаго уполномоченнаго (въ Пруссіи) Легге, ходъ ихъ казался ему настолько успѣшнымъ, что онъ даже предполагалъ пренебречь Россіей и затѣянными въ ней предпріятіями, которыя не удавались, да и при удачѣ не могли вполнѣ обезпечить безопасность восточной границы Пруссіи. Но послѣ кратковременнаго успѣха король ясно увидалъ, что Англія вовсе не склонна къ соглашенію съ нимъ. Бестужевъ, поясняя Елисаветѣ ту часть депеши прусскаго посланника, смѣнившаго

---

[1]) Конецъ 1747, начало 1748 гг. Отношенія между Пруссіей и Англіей играютъ большое значеніе въ тѣхъ мѣропріятіяхъ относительно враговъ Бестужева, которыя предпринялъ канцлеръ. Не имѣя цѣлью вполнѣ ихъ выяснять, намѣчаю важнѣйшіе пункты ихъ.

Мардефельда [1]), гдѣ говорилось о миссіи Легге и о переговорахъ съ нимъ, приписалъ сбоку: „Кавалеръ Легге недавно былъ англійскимъ въ Берлинѣ министромъ и Ея Императорское Величество припомятовать изволитъ, что онъ сперва королемъ прусскимъ обольщенъ былъ, но потомъ такъ его распозналъ, что всѣхъ въ парламентѣ и своихъ земляковъ его знать научить хотѣлъ". Не успѣвъ въ этомъ, Фридрихъ рѣшилъ приложить всѣ силы къ тому, чтобы въ Россіи свести вліяніе Англіи или къ нулю или къ минимуму, т. е., говоря иначе, ослабить значеніе канцлера и его партіи. Поэтому онъ даетъ наставленіе Финкенштейну относительно того, что нужно внушать Императрицѣ чрезъ посредство Воронцова и Лестока. Во-первыхъ, они должны были доказывать унизительность для великой державы посылать свои войска въ чужія страны за деньги, во-вторыхъ, играя на благочестіи Императрицы, показать ей, какъ много поколеблется религія отъ долговременнаго пребыванія ея подданныхъ вдали отъ родины и какъ много ихъ помретъ безъ христіанскаго напутствія. Наконецъ, слѣдовало настойчиво проводить мысль о ненужности для русскихъ интересовъ вмѣшательства этой державы въ европейскія дѣла. Депеша прусскаго посланника [2]), въ которой онъ выяснялъ королю, какъ онъ проводилъ его предначертанія въ жизнь, попала въ руки Бестужева въ 1749 г., и онъ приписалъ на ней: „Всевысочайшая Ея Императорскаго Величества слава и интересы требуютъ въ европейскія дѣла мѣшаться. Государь Петръ Великій столько о томъ старался, что онъ помощный корпусъ на своемъ собственномъ иждивеніи отправить радъ былъ бы. Иначе же развѣ турками или персіанами быть запертыми въ своихъ границахъ. Примѣръ тому недавно сдѣлался, что когда король прусскій въ чужія дѣла вмѣшался, а съ здѣшней стороны никакого движенія противъ того чинено не было, то онъ до такой силы дошелъ, что подлинно найопаснѣйшимъ сосѣдомъ есть" [3]).

Изъ подобныхъ же депешъ за 1747 и 1748 г. Бестужевъ все болѣе и болѣе убѣждался, что главными лицами, стоящими на пути къ необходимому съ его точки зрѣнія сближенію Россіи съ Англіей, являются Воронцовъ и Лестокъ, особенно первый, все еще пользующійся доступомъ къ Императрицѣ и нѣкоторой симпатіей съ ея стороны [4]).

---

[1]) Г. А. XV. № 88. Т. III, л. 5. Изъ Петербурга къ королю 30-го марта 1748 г.

[2]) Г. А. XV, № 88. Т. III, л. 3.

[3]) *С. Соловьевъ*, Исторія Россіи. Эта ремарка ошибочно отнесена къ 1748 г.

[4]) „Главнѣйшіе изъ пріятелей прусскаго дѣла суть безъ сумнѣнія важной и смѣлой" (т. е. Воронцовъ и Лестокъ). Г. А. XV, № 88. Т. IV, л. 256. Ремарка Бестужева.

Фридрихъ не зналъ, до какой степени освѣдомленъ въ ходѣ его замысловъ великій канцлеръ, и, подготовляя такой ударъ, который бы сразу и окончательно свалилъ его врага, собирался съ силами. Воронцовъ получилъ уже соотвѣтственныя наставленія и подкрѣпленія въ Берлинѣ, теперь король шлетъ Лестоку запоздавшій годовой пенсіонъ, обнадеживаетъ его и въ дальнѣйшихъ получкахъ и побуждаетъ „смѣлаго пріятеля“ поддержать и поощрить къ дѣятельности „важнаго“, который часто проявлялъ нерѣшительность и вялость. Для руководства этимъ отвѣтственнымъ предпріятіемъ онъ отправилъ въ Петербургъ одного изъ своихъ лучшихъ дипломатовъ, графа Финкенштейна, вызвавъ его для этой цѣли изъ Стокгольма. Въ то же время онъ устроилъ назначеніе отъ шведскаго двора къ нашему своему стороннику, шведскому министру Вульфенштирну.

5-го февраля 1747 года Финкенштейнъ былъ уже въ Берлинѣ, и Фридрихъ лично продиктовалъ основные пункты врученной ему инструкціи. Согласно ей, Финкенштейнъ долженъ былъ продолжать дѣятельность Мардефельда, разузнавъ отъ него предварительно о положеніи дѣлъ въ Россіи. Изъ 8-ми остальныхъ пунктовъ инструкціи четыре посвящены тому, какъ долженъ вести себя представитель Пруссіи относительно Бестужева: чтобы привлечь канцлера къ службѣ прусскимъ интересамъ, Финкенштейнъ долженъ былъ сдѣлать „все, что находится въ предѣлахъ человѣческой возможности“, но если несмотря на это его постигнетъ неудача, онъ долженъ искать способа свалить Бестужева, устранить его отъ дѣлъ. Тайные пути къ этому ему долженъ былъ указать Мардефельдъ [1]). Это были старые, уже знакомые намъ, пріемы старой дипломатіи: интриги и подкупы. Фридрихъ Великій уже получилъ тогда извѣстія изъ Петербурга, что прибывшій изъ-за границы Воронцовъ началъ интриговать противъ Бестужева, уже раскрывалъ глаза Императрицѣ на яко бы преступное поведеніе ея канцлера, идя въ этомъ направленіи рука объ руку со своимъ пріятелемъ Лестокомъ. Услугами этихъ людей и долженъ былъ пользоваться Финкенштейнъ. Чтобы поощрить ихъ рвеніе, Фридрихъ Великій поручалъ своему посланнику сообщить Воронцову и Лестоку, что они должны торопиться свергнуть министерство общаго ихъ врага, такъ какъ иначе, по вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, онъ совмѣстно съ англійскимъ посланникомъ Гиндорфомъ обречетъ ихъ на ту же участь, которая постигла Лопухиныхъ съ ихъ сторонниками [2]). Лестоку же

[1]) Р. С. V, 393—395. Г. А. XV. № 88. I, Р. С. V, 362—363.
[2]) Р. С. V, 363.

онъ еще разъ напоминалъ угрозу англійскаго министра относительно того, что въ Россіи есть двѣ головы, которыя должны слетѣть, подразумѣвая подъ одной изъ нихъ Лестокову. 24-го апрѣля 1747 года Финкенштейнъ прибылъ въ Петербургъ и 29-го апрѣля уже послалъ королю цѣлый рядъ интереснѣйшихъ депешъ о положеніи въ Россіи всѣхъ дѣлъ вообще и его партіи въ частности. Всѣ онѣ были перехвачены, дешифрированы, поднесены канцлеру и положены какъ основаніе для перлюстраціи [1]), приведшей къ возбужденію дѣла о Лестокѣ и его злоумышленіяхъ. Финкенштейнъ доносилъ королю, что образъ мыслей вельможъ русскаго государства и общее положеніе дѣлъ въ Россіи находились въ состояніи наименѣе благопріятномъ для Фридриха Великаго. Канцлеръ къ нему враждебенъ по прежнему, и, что хуже всего, могущество его и довѣріе къ нему Императрицы стали больше, чѣмъ когда бы то ни было. Онъ такъ хорошо воспользовался всѣми обстоятельствами, которыя послѣдовали за отъѣздомъ Мардефельда, что его врагамъ остается теперь держаться только оборонительнаго образа дѣйствій и выжидать болѣе удобнаго времени, чтобы доказать чистоту своихъ намѣреній и чтобы открыть Императрицѣ глаза на предательскіе совѣты ея министра. Склонить канцлера на сторону Пруссіи Финкенштейну казалось очень труднымъ, если не невозможнымъ: всѣмъ сердцемъ и всѣми своими наклонностями онъ привлеченъ къ Англіи, морскимъ державамъ и Австріи и старается прикрѣпится къ нимъ еще болѣе прочными узами. Въ то же время Бестужевъ знаетъ, что его болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, поддерживаетъ фаворитъ [2]), котораго онъ сумѣлъ вполнѣ привлечь на свою сторону со времени женитьбы сына [3]). Поэтому прусскому посланнику казалось, что единственно правильное поведеніе въ такихъ сложныхъ обстоятельствахъ—не давать Бестужеву ни малѣйшихъ поводовъ къ упрекамъ и съ одной стороны оказывать ему вполнѣ все то вниманіе, которое въ правѣ требовать первый министръ, съ другой—умышленно явно обнаруживать полнѣйшее равнодушіе къ тѣмъ тревожнымъ свѣдѣніямъ, которыя желалъ бы сообщить ему Бестужевъ. Единовременно Финкенштейнъ собирался, не давая ни малѣйшихъ подозрѣній въ томъ, что онъ имѣетъ тайныя сношенія съ врагами Бестужева, сблизиться съ ними, чтобы предусмотрѣть и отразить припасенный.

---

[1]) Г. А. XV, № 88, т. I.

[2]) Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

[3]) Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ-Рюминъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на Евдокіи Разумовской.

для нихъ канцлеромъ ударъ, котораго нужно опасаться каждую минуту. Съ ними же вмѣстѣ онъ будетъ терпѣливо выжидать момента, когда фортуна пошлетъ какой либо нежданный счастливый случай сразить общаго врага [1]).

Завязывая дружескія сношенія съ врагами Бестужева, Финкенштейнъ однимъ изъ первыхъ навѣстилъ Лестока [2]) и нашелъ его въ самомъ желательномъ для Пруссіи настроеніи, т. е. заклятымъ врагомъ канцлера, полнымъ ненависти и злобы къ нему, но ревностнымъ и вѣрнымъ слугой Фридриха. Съ Финкенштейномъ онъ сразу сталъ вполнѣ откровеннымъ и наболталъ массу интересныхъ для посланника новостей: онъ хвасталъ, что его партія сильна, и еще недавно ему удалось привлечь къ ней Исаака Павловича Весселовскаго, котораго онъ рекомендовалъ, какъ свѣтлую голову и какъ человѣка, знающаго много тайнъ великаго канцлера. Весселовскій, по словамъ Лестока, уже настолько открылся ему и его единомышленникамъ, что не сможетъ отступить, но пока, для виду, ведетъ себя какъ сторонникъ Бестужева. Затѣмъ Лестокъ заговорилъ о великомъ канцлерѣ, который де совсѣмъ обошелъ Императрицу: увѣрилъ ее въ блестящемъ состояніи арміи и финансовъ, а они на самомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ печальны, очернилъ и удалилъ отъ дѣлъ вѣрнаго слугу государыни, Воронцова, и такъ ловко повелъ дѣло сближенія Россіи съ Англіей, что субсидный договоръ между этими державами—дѣло рѣшенное, если они, то есть Воронцовъ и Лестокъ съ единомышленниками, не сломятъ шеи канцлеру.

Финкенштейнъ въ общемъ остался очень доволенъ своимъ свиданіемъ съ Лестокомъ, но и Воронцовъ произвелъ на него также благопріятное въ смыслѣ отношенія къ прусскимъ дѣламъ впечатлѣніе. Финкенштейнъ зналъ, что положеніе вице-канцлера при дворѣ было очень шатко: Воронцовъ чувствовалъ, что за нимъ всюду зорко наблюдаютъ агенты канцлера, и поэтому сначала избѣгалъ вовсе свиданій съ прусскимъ посланникомъ, а потомъ, встрѣтившись, велъ себя очень осмотрительно и уклончиво. Однако Финкенштейнъ сообщалъ своему королю [3]), что поговорилъ съ Воронцовымъ по душѣ и не можетъ нахвалиться его прямотой и довѣрчивостью. По его словамъ вице-канцлеръ обнадежилъ его, что считаетъ положеніе Бестужева упро-

---

[1]) Г. А. XV, № 88, т. I. Депеша Финкенштейна отъ 29-го апрѣля 1718 г. Р. С. V. 416. 3-го іюня 1747.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

ченнымъ очень не на долго: англо-русскій субсидный договоръ и есть та петля, которая на смерть стянетъ шею канцлера, и его противникамъ легко будетъ занять опустѣвшую позицію. Но для достиженія этого, надо запастись терпѣніемъ и исподволь подрывать почву подъ ногами Бестужева. Со своей стороны Воронцовъ дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы англо-русскій договоръ совсѣмъ не состоялся, или чтобы заключеніе его обратилось на гибель канцлеру. Пока же онъ настаиваетъ на томъ, чтобы переговоры съ Англіею, какъ и всѣ важныя дѣла, шли не только чрезъ посредство канцлера, какъ это повелось со времени выѣзда Воронцова за границу, но чрезъ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ заключеніе бесѣды Воронцовъ коснулся личности Бестужева и жаловался на то, что не проходитъ дня, чтобы великій канцлеръ не затѣялъ какой либо гадости противъ него, но что самъ онъ, Воронцовъ, въ такомъ положеніи, когда приходится дѣлать видъ, какъ будто не замѣчаетъ всѣхъ злодѣйскихъ поступковъ врага. По мнѣнію Воронцова, Бестужевъ самый скверный человѣкъ изъ существующихъ на землѣ и способенъ на всякую низость, поэтому онъ заклиналъ Финкенштейна быть крайне осторожнымъ вообще во всѣхъ дѣлахъ, а особенно въ письмахъ и не называть его Воронцова никоимъ образомъ по имени, а по прежнему только „ami important".

Финкенштейнъ былъ доволенъ и Лестокомъ и Воронцовымъ, но все же находилъ, что положеніе дѣлъ Фридриха въ Россіи въ самомъ нежелательномъ видѣ. Самъ же король, раздѣляя точку зрѣнія своего министра на успѣхъ своихъ предпріятій въ Петербургѣ, не вѣрилъ ни Лестоку, ни Воронцову. Стремясь при первой же возможности заключить союзъ съ Англіей [1]), который бы свелъ значеніе Россіи для Пруссіи почти къ нулю, онъ не только перестаетъ напряженно слѣдить за русскими дѣлами, но намѣревается вовсе отозвать изъ Петербурга Финкенштейна, замѣнивъ его малоопытнымъ Гольцемъ. Однако движеніе русскаго вспомогательнаго корпуса къ Рейну, неудачные переговоры съ британскими министрами и не прекращающіяся сношенія Англіи съ Россіей показали Фридриху, что время для отвлеченія Великобританіи отъ ея старыхъ союзниковъ еще не настало. Нужно было попытаться еще разъ устроить въ Россіи что либо такое, что отвлекло бы эту державу отъ системы ея союзовъ съ морскими

---

[1]) Размѣръ статьи мѣшаетъ въ достаточной мѣрѣ остановиться на дѣлахъ Англіи въ Россіи, имѣвшихъ тоже не малое значеніе на ускореніе паденія Лестока. См. *Соловьевъ*, Исторія Россіи. Дѣла англійскія 1746—48 гг. P. C. T. VI, England. C. II. P. II. O. CIII и CX.

державами и Австріей. Финкенштейнъ былъ оставленъ до поры до времени на своемъ посту и продолжалъ свои интриги.

Великій канцлеръ шагъ за шагомъ слѣдилъ, какъ идутъ переговоры между Финкенштейномъ, Лестокомъ, Воронцовымъ съ его друзьями и Вульфенштирной, самымъ аккуратнымъ образомъ дѣлалъ изъ ихъ доношеній экстракты, по нимъ составлялъ доклады съ подробнѣйшими разъясненіями и изображеніемъ общаго хода дѣла, которые и подносилъ Императрицѣ. Образцомъ ихъ могутъ служить помѣщенные въ архивѣ Воронцова [1]). Бестужевъ дѣлаетъ выдержку изъ донесенія Финкенштейна, въ которой сообщается о выздоровленіи кн. Н. Трубецкого. Это обстоятельство очень радовало прусскаго министра, такъ какъ генералъ-прокуроръ былъ „наинепримирительнѣйшимъ графа Бестужева непріятелемъ, и по великому своему разуму наиспособнѣйшимъ есть своихъ пріятелей въ тѣхъ мнѣніяхъ содержать, которое обстоятельство, въ какомъ-нибудь изъ тѣхъ дивныхъ случаяхъ, коихъ нынѣ предвидѣть не можно, по какою-нибудь революціею [2]), смертью канцлеровою или какою другою неожиданною перемѣною, однакожъ приключиться въ состояніи существительнымъ учинится можетъ: ибо тогда тѣ же самые пріятели, которые теперь въ спячкѣ находятся, всемѣрно подымутся, и для интересовъ вашего величества, которымъ они усердно преданы, полезными быть могутъ“.

Этому экстракту канцлеръ придавалъ огромное значеніе, дважды подносилъ его „на всевысочайшее проницаніе“ и впослѣдствіи включилъ содержаніе его въ допросные пункты Лестоку. При докладѣ же онъ снабдилъ этотъ коротенькій отрывокъ длиннымъ примѣчаніемъ. Въ немъ онъ прежде всего подчеркиваетъ, что самъ Финкенштейнъ отдаетъ дань преданности Бестужева Елисаветѣ, указывая на то, что „формальная потаенная шайка“ не смѣетъ дѣйствовать, пока канцлеръ у власти и живъ. Повидимому, въ предыдущихъ докладахъ Бестужевъ уже много говорилъ о Лестокѣ, такъ какъ въ этомъ онъ ссылается на прошлые, въ которыхъ онъ указывалъ Императрицѣ на злой умыслъ Трубецкого, Лестока и ихъ шайки и внушалъ, что нужно опасаться, „чтобы онъ (Лестокъ) изъ своей партіи другого Миниха не сдѣлалъ: ибо теперь явствуетъ, что князь Трубецкой достойнымъ къ

---

[1]) А. В. XXIV. По дѣлу Лестока, 1. Переводъ съ разобранной съ цифиръ реляціи прусскаго министра графа Финкенштейна къ королю изъ Петербурга отъ 4-го мая 1748 г. стр. 60. Примѣчаніе канцлера Бестужева, стр. 60—61. 2. Записка канцлера графа Бестужева-Рюмина, стр. 62—68.

[2]) Въ архивѣ Воронцова не вѣрно „резолюціею“.

тому уже признанъ, къ чему, правда, по власти его въ Сенатѣ и поводъ есть". Бестужевъ настойчиво убѣждалъ Императрицу пресѣчь злоумышленія рѣшительными мѣрами, такъ какъ пламя мятежа уже появилось. „Уже извѣстно, что баронъ Черкасовъ по ночамъ къ вице-канцлеру и къ генералу прокурору въ чужихъ колясках ѣздитъ. Лестоковы сборища Ея Императорскому Величеству совершенно извѣстны, такъ что болѣе и распространяться нечего. Лестокъ уже давно лучшее мѣсто въ Камчаткѣ заслуживаетъ, а другіе конечно способнѣе были бы въ Сибири или индѣ гдѣ въ губернаторахъ, нежели здѣсь".

Нѣсколько времени спустя Бестужевъ представилъ другую записку [1]), близкую по содержанію къ только что приведенной, но уже имѣющую форму доклада. Въ ней онъ усиливаетъ опасенія Императрицы относительно покушенія лишить ея престола тревожными слухами, распространившимися въ Берлинѣ. Онъ сравниваетъ ихъ съ тѣми, которые появились въ Европѣ во времена правленія Анны Леопольдовны въ связи съ замыслами Елисаветы. Англійскій посланникъ довелъ ихъ до свѣдѣнія Остермана, но Правительница отнеслась къ нимъ легкомысленно и Брауншвейгская династія потеряла престолъ. Напомнивъ намекомъ на это обстоятельство, Бестужевъ утверждаетъ, что ночные съѣзды, конфиденціи и данныя, добытыя перлюстраціей, не оставляютъ сомнѣнія въ преступныхъ замыслахъ кружка извѣстныхъ лицъ. Императрицѣ необходимо принять крутыя мѣры противъ главарей, и тогда у „прочихъ безъ сумнѣнія многихъ вѣроломныхъ или по меньшей мѣрѣ въ присяжной должности колеблющихся, колѣни затрясутся и они въ такую робость придутъ, что не токмо безсовѣстные свои замыслы въ дѣйство производить не отважатся, но паче весьма рады будутъ, когда злостные ихъ виды наружу не выдутъ". Для увѣренности же „изустными сказками" въ собранныхъ доказательствахъ необходимо арестовать не только секретаря Лестока—капитана Шапизо, но захвативъ и „смѣлаго прусскаго партизана", т. е. самого Лестока, „купно со своими письмами", посадить его въ крѣпость. „А хотя и то легко статься можетъ, что оной прусской смѣлый партизанъ по извѣстной своей злости и упрямству, не взирая на всѣ доказательства, страхи и угрозы, для предъявленія своей невинности и для спасенія своихъ сообщниковъ, запираться станетъ, не взирая на то, когдабъ съ нимъ и до самихъ крайностей дошло; то однакожъ

[1]) Въ промежуткѣ былъ докладъ, въ которомъ Бестужевъ совѣтовалъ арестовать жившаго въ домѣ Лестока, въ качествѣ дальняго родственника (племянника) и секретаря, капитана Ингерманландскаго полка Александра Шапизо.

и того довольно, что онъ за всѣ отъ Ея Императорскаго Величества ему показанныя щедроты и неописуемыя награжденія, себя столько, какъ извѣстно, неблагодарнымъ оказалъ, дабы предъ очи Ея Императорское Величество болѣе не являться и свою шайку въ предъосужденіе Ея Императорскаго Величества и государства не одобрять, но самое дальнѣйшее мѣсто въ Камчаткѣ достойнымъ за всѣ его преступленія награжденіемъ есть". Упорство Лестока не должно смущать Императрицу: „она, яко Самодержавная Государыня, никому кромѣ Бога, предъ Которымъ въ совѣсти своей чиста, отвѣта дать не должна".

Отъ Лестока Бестужевъ переходитъ прямо къ „важному прусскому партизану", т. е.—Воронцову. Его виновность обнаруживается тѣмъ, что онъ открывалъ своимъ единомышленникамъ такія тайности, которыя повѣрялися Императрицей ему одному.

Елисавета при первыхъ извѣстіяхъ о его происках, согласно представленіямъ Бестужева, склонялась къ тому, чтобы, устранивъ его отъ поста вице-канцлера и вообще какихъ бы то ни было дѣлъ, удержать при дворѣ. Теперь канцлеръ находитъ это рискованнымъ, такъ какъ позднѣйшая перлюстрація дала не только подтвержденіе его прежней преступной дѣятельности, но открыла и новые факты его происковъ и роли во франко-прусской партіи [1]). Въ виду этого, Бестужевъ находилъ, что для Воронцова „весьма особливая милость была бъ, когда бъ, онъ въ сходственной съ итальянскимъ воздухомъ, теплой климатъ, а именно въ Астрахань генералъ-губернаторомъ отправленъ былъ".

Относительно Финкенштейна Бестужевъ думалъ повременить до тѣхъ поръ, пока изъ Вѣны будутъ присланы разшифрованныя депеши, писанныя такой цифрою, которую не могли раскрыть у насъ, но извѣстною Австріи, а по полученіи же ихъ онъ намѣревался разобранные оригиналы предъявить прусскому посланнику, котораго хотѣлъ арестовать вмѣстѣ съ его бумагами. Въ нихъ, думалъ канцлеръ, „безъ сомнѣнія всѣ богомерзкіе проекты и авторы оныхъ еще обстоятельнѣе нынѣшняго усмотрятся".

Какъ на примѣръ такого поступка—арестъ иностраннаго министра—Бестужевъ указывалъ на дѣло Гилленборга (1717 г.) и Герца, шведскихъ посланниковъ, арестованныхъ по требованію англійскаго двора. Впрочемъ, канцлеръ не скрывалъ отъ императрицы, что за подобное насиліе надъ своимъ представителемъ Пруссія можетъ отвѣтить объ-

---

[1]) Г. А. IV, № 107. Письма кн. Елизаветы Цербстской къ дочери.

явленіемъ войны, и поэтому намѣревался вступить въ предварительное соглашеніе съ Австріей объ оказаніи ею союзнической помощи Россіи, въ случаѣ нападеній прусскаго короля.

Обдумалъ Бестужевъ судьбу и остальныхъ партизановъ враждебной ему партіи: Румянцева—уволить отъ всѣхъ службъ и должностей и вмѣстѣ съ женой позволить жить, гдѣ угодно; генералъ-прокурора—назначить генералъ-губернаторомъ въ Сибирскую губернію; тайнаго совѣтника и сенатора Алексѣя Голицына—губернаторомъ въ Казань; генерала поручика и шталмейстера Сумарокова — губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ; церемоніймейстера Сантія—воеводою въ Селенгинскъ; камергера кн. Александра Голицына—бригадиромъ въ армію, Петра Голицына—опредѣлить къ дѣламъ, касающимся до секвестрованныхъ имѣній, въ Курляндію. Такимъ образомъ предполагалъ Бестужевъ удалить однимъ махомъ всѣхъ своихъ враговъ.

На смѣну имъ онъ предлагалъ лицъ, къ нему благожелательно расположенныхъ, или даже проектировалъ упразднить самыя должности; такъ, напримѣръ, о генералъ-прокурорѣ онъ писалъ: „Снабдѣніе кѣмъ другимъ мѣста его видится быть излишнимъ, и однимъ оберпрокуроромъ довольствоваться можно; да и во всѣхъ прокурорахъ, кромѣ сената и синода, по слабѣйшему мнѣнію, никакой нужды не усматривается, потому что токмо ябеды производятъ и дѣла болѣе протягиваютъ, интересамъ же Ея Императорскаго Величества еще не малѣйшей пользы не приносятъ; а между тѣмъ они повсегодно въ тридцать четыре тысячи рублевъ становятся, а со времени благополучнаго Ея Императорскаго Величества государствованія двѣсти тридцать восемь тысячъ рублевъ убытка причинили“ [1]).

18-го октября 1748 года Бестужевъ послалъ въ Петергофъ съ оберъ-секретаремъ обычную тетрадь перлюстрованныхъ депешъ, и на нее послѣдовала давно жданная Бестужевымъ резолюція. Прочтя доставленныя ей бумаги, Императрица сильно встревожилась и „изволила разсуждать, что явное подозрѣніе есть, что Лестокъ и вице-канцлеръ Воронцовъ съ Финкенштейномъ, яко съ иностраннымъ министромъ ненадлежащую великую откровенность имѣютъ, такъ что сей Финкенштейнъ всѣ тайности въ здѣшнихъ дѣлахъ знаетъ да и повидимому

---

[1]) Проф. Е. Щепкинъ неправильно относитъ эти доклады къ срединѣ декабря 1748 г., тогда какъ совершенно ясно, что оба они относятся ко времени, предшествующему аресту Шапизо, т. е. во всякомъ случаѣ до 9-го ноября, а очень вѣроятно, что до 18-го октября. См. Русско-Австрійскій союзъ во время семилѣтней войны 1746—1758 г. С.-Пб. 1902 г., стр. 98.

они какія либо вредительныя и опасныя замышленія въ дѣйство произвести хотятъ, потому что Финкенштейнъ о имѣющей быть вскорѣ здѣсь революціи короля своего обнадеживалъ“ [1]). Кромѣ того выяснилось, что къ этимъ тайнымъ сношеніямъ и замысламъ причастенъ шведскій посланникъ при нашемъ дворѣ Вульфенштирна. Эти данныя Императрица признала достаточными для того, чтобы приказать арестовать Воронцова на дому, а Лестока, „въ крѣпость посадя, допытываться чрезъ него: въ чемъ ихъ такіе съѣзды и злоумышленія состояли“.

Однако время для ареста этихъ лицъ отсрочивалось до переѣзда двора въ Петербургъ, а пока предполагалось подвергнуть задержанію и допросу приближенныхъ и довѣренныхъ у Лестока—капитана Александра Шапизо, а у Воронцова его секретаря Ѳ. Д. Бехтѣева. Для допроса этихъ лицъ великому канцлеру предписано было составить обвинительные пункты. Такъ предполагалось поступить съ заговорщиками русскаго подданства, труднѣе было расправиться съ интриганами иноземцами. Въ порывѣ перваго гнѣва Елисавета Петровна высказалась въ томъ смыслѣ, „что понеже Финкенштейнъ въ письмахъ своихъ къ королю сверхъ того, что высокую Ея Величества особу злостными поношеніями оскорбляетъ и во уповаемой ими здѣсь какой либо революціи участникомъ быть видится, того ради, по изобрѣтеніи къ тому довольнаго доказательства, надобно съ нимъ еще жесточае нежели съ Шетардіемъ поступить, и его не токмо арестовать со всѣми письмами, но и въ дальнюю ссылку заслать, а къ королю его, что онъ въ такія внутренности здѣсь злодѣйски вмѣшивается, явно показать“ [2]). Выражая такъ свою волю, императрица упускала изъ вида, что съ Финкенштейномъ нельзя поступить „жесточае“, чѣмъ съ Шетардіемъ, уже потому, что маркизъ при расправѣ съ нимъ проживалъ въ Россіи безъ „всякаго характера“, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, т. е. частнымъ лицомъ, тогда какъ Финкенштейнъ былъ законно аккредитованный при нашемъ дворѣ представитель союзной могущественной и сосѣдней намъ державы.

Послѣ этихъ распоряженій, касающихся и Бестужева, императрица нашла нужнымъ установить за обвиняемыми негласный надзоръ и поговорила объ этомъ съ графомъ Александромъ Ивановичемъ Шуваловымъ.

---

[1]) Г. А. VI, № 379. Т. I, л. 1. Записка секретнѣйшая.

[2]) Ibidem, л. 2.

Бестужевъ дѣятельно принялся за это давно жданное имъ дѣло: онъ слишкомъ хорошо зналъ, какой шагъ дѣлаетъ онъ, насколько для него важно воспользоваться всѣми даже мелочными обстоятельствами дѣла, чтобы навсегда удалить и Воронцова и Лестока какъ отъ двора, такъ и отъ возможности вліять на Императрицу. Это было очень трудно, особенно имѣя въ виду все то, что было сдѣлано этими двумя лицами для Елисаветы Петровны еще тогда, когда она была цесаревной, и тогда, когда она добивалась родительскаго престола. 18-го октября, въ только что приведенномъ разсужденіи Императрицы по поводу доложенной ей перлюстраціи, Елисавета упоминала о доказанной преступности и Лестока и Воронцова и объ арестѣ обоихъ, но въ дальнѣйшемъ дѣлѣ нѣтъ ни одного упоминанія о томъ, чтобы Воронцовъ подвергся аресту, обыску, допросу или чему либо другому: императрица разрѣшила предать суду одного Лестока. Противъ такого суженія дѣла протестовалъ Бестужевъ и во все время процесса надъ Лестокомъ и послѣ него въ теченіе 1749 года.

Но, припасая новыя данныя для привлеченія къ суду Воронцова, канцлеръ сдѣлалъ все, чтобы навсегда удалить отъ двора Лестока. Уликъ въ преступной дѣятельности его за 1746—1748 гг. было болѣе чѣмъ достаточно, но Бестужевъ отрылъ и старое, далеко не забытое дѣло о богомерзкомъ маркизѣ Шетардіи, котораго Елисавета Петровна все еще вспоминала съ гнѣвомъ и отвращеніемъ. Канцлеръ вновь перелисталъ перлюстрацію, принесшую ему такъ много пользы въ 1744 году, но теперь его красный карандашъ отчеркивалъ въ толстой тетради Шетардіевыхъ депешъ новыя мѣста, а ремарки, косымъ характернымъ почеркомъ, выражали иной лиризмъ. Бестужевъ былъ очень ловкій царедворецъ и тонко понималъ характеръ своей государыни, который онъ, по свидѣтельству современниковъ, наблюдалъ и изучалъ, какъ изучаютъ науку. Поэтому онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, до чего осторожно нужно составлять примѣчанія относительно хода дѣлъ той эпохи, когда первый поклонъ при дворѣ отдавали государынѣ, а уже второй непремѣнно маркизу Шетарди, когда Лестокъ, а не Бестужевъ былъ совѣтчикомъ и докладчикомъ по иностраннымъ дѣламъ и когда ему при докладахъ приходилось выслушивать приказанія Императрицы, которыхъ не оспариваютъ, внушенныя негласными совѣтниками. Конечно Бестужевъ зналъ, что многое непріятное и вредное для Россіи, узнаваемое имъ изъ перлюстраціи, затѣвалось и выполнялось конфидентами не только на свой страхъ, но съ вѣдома и даже по почину императрицы: уже обстоятельства, сопровождавшія

пріѣздъ и бракъ великаго князя Петра Ѳеодоровича, могли быть для него поучительными примѣрами [1]), но Бестужевъ зналъ и другое: въ гнѣвѣ прошлое часто не только забывается, но и превращается до неузнаваемости; то, что прежде вмѣнялось въ заслугу, въ обязанность, дѣлается злоумышленіемъ, преступленіемъ.

Въ 1748 году Бестужевъ вмѣняетъ Лестоку въ вину его приверженность къ Франціи въ 1743—1744 годахъ. Въ депешѣ Далліона къ Ланмари [2]) онъ такъ искусно подчеркиваетъ отдѣльныя мѣста, что дѣлается совершенно яснымъ служеніе Лестока интересамъ Франціи и Швеціи въ ущербъ Россіи. Оказывалось, что Лестокъ передавалъ иностраннымъ министрамъ не только ходъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, но и тайныя постановленія конференціи при дворѣ. Мало того, его партія дерзала по наущенію иностранныхъ министровъ отстаивать чужестранные интересы, прикрываясь заботой о благѣ отечества. Изъ этихъ лицъ Бестужевъ ловко выдѣлилъ Лестока, показавъ [3]), что пенсія его превосходила всѣ остальныя именно потому, что онъ больше другихъ выдавалъ Россію и продавалъ ея выгоды. Затѣмъ онъ представилъ императрицѣ одно очень любопытное дѣло: переписку Лестока съ Шетарди относительно письма Лестока къ генералу Кейту, съ приложеніемъ черновика этого письма, исправленнаго рукою маркиза [4]).

Въ 1745 г. Бестужевъ писалъ такъ: „Ежели, по всемилостивѣйшему Е. И. В. указу, тайный совѣтникъ Лестокъ, вступаясь въ министерскія дѣла, къ генералу Кейту съ поправленіемъ иностраннаго министра и вмѣшивая онаго въ государственныя внутреннія дѣла писалъ: то желательно, чтобы сходно было съ отправленными указы изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ [5]), дабы генералъ Кейтъ въ какое сумнѣніе не пришелъ, а буде безъ высочайшего указу собственная его на то ревность побудила, то предается сіе на всемилостивѣйшее Е. И. В. соизволеніе“ [6]). Это соизволеніе въ 1745 г. было таково, что Лестоку запретили вообще водить компанію съ иностранными министрами; въ 1748 году, вновь перечтя эти письма, Бестужевъ на-

---

[1]) Ср. А. В. Т. I. Перлюстрація.

[2]) Г. А. VI. № 379. Т. II. лл. 11—12 об. Отъ 27-го августа 7-го сентября 1743 г.

[3]) Г. А. VI, № 379. Т. II, лл. 13—15. 4—15-го февраля 1744 г. отъ Шетарди къ Амело.

[4]) Г. А. VI. № 379. Т. II. лл. 7—10 отъ 28-го марта 8-го апрѣля 1741 г. Ср. А. В. I. 516—519.

[5]) Т. е. чтобы сходно было съ тѣмъ, что дѣлаетъ коллегія иностранныхъ дѣлъ.

[6]) А. В. I. 518.

шелъ въ нихъ множество преступленій: „Указы, которые отъ министерства Е. И. В., именемъ Ея посылаются, за басни почитаются“ [1]) (конечно, Лестокомъ и Шетарди). Все написанное въ письмѣ Лестоку маркизомъ „не токмо наставленія, но и повеленія иностраннаго министра“ и благодаря имъ „такими разными способами, уповательно, Лестокъ и прочіе французско-прусскіе партизаны старались шведскаго короннаго наслѣдника до той холодности съ королемъ довести, въ которой нынѣ находятся“. Теперь и общая оцѣнка поступка Лестока иная, чѣмъ та, которую ему далъ вице-канцлеръ въ 1744 г.: „Ежели Лестокъ сіе письмо не по именному Е. И. В. указу къ генералу Кейту писалъ, то онъ за то одно напжесточайшей казни подлежитъ, ибо въономъ весьма превратные и къ интересамъ [2]) Е. И. В. крайне предосудительные сентименты находятся“.

Определивъ такимъ образомъ характеръ и степень вмѣшательства Лестока въ наши сношенія съ Франціей и Швеціей, Бестужевъ подтвердилъ ихъ еще выписками изъ депешъ отъ Далліона къ маркизу Ланмари изъ С.-Пб. 27-го августа — 7-го сентября 1743 г. и отъ маркиза Шетарди къ статскому секретарю Амело отъ 4—15-го февраля 1744 г. [3]).

Затѣмъ онъ поднесъ Императрицѣ обширный экстрактъ изъ письма Шетарди къ Амело, посланному изъ Москвы [4]) 29-го марта — 9-го апрѣля 1744 г. Содержаніе его, конечно, было извѣстно Бестужеву и тогда, когда онъ устраивалъ высылку богомерзкаго маркиза, но онъ не включилъ его въ число доложенныхъ имъ тогда Елисаветѣ Петровнѣ депешъ, приберегая до нужнаго случая [5]).

Въ этой депешѣ Шетарди сообщалъ своему королю, что онъ дѣйствуетъ въ пользу Франціи совмѣстно съ прусскимъ министромъ Мардефельдомъ, противъ Англіи, Австріи и Саксоніи, а слѣдовательно и противъ Бестужева. Маркизу удалось замѣтить, что саксонскій министръ Герсдорфъ радовался, устроивъ, при аудіенціи у Императрицы,

---

[1]) Г. А. VI. № 379. Т. II, л. 7 об.

[2]) Ibid.

[3]) Г. А. VI, № 379. Т. II, лл. 10—14.

[4]) У Rambaud. Recueil des Instructions. Т. VIII, стр. 428, ошибочно указанъ Петербургъ.

[5]) Упоминаемая здѣсь депеша не включена въ перлюстрацію по дѣлу Шетарди. А. В. I. Rambaud обнародовалъ изъ нея экстрактъ, прибавивъ: „Cette très curieuse lettre ne se trouve point parmi les *Perlustrations* des *Archives Voronzof*. Aurait-elle échappé au cabinet noir de Bestoujef?“. Recueil des Instructions. T. VIII. Russie. pp. 428—429. Цѣликомъ депеша помѣщена въ С. И. Р. И. О. т. CV, 247—258.

какое-то дѣло, находящееся въ связи съ переговорами вѣнскаго двора. Шетарди, повидимому, по обыкновенію, немедленно устроилъ совѣщаніе участниковъ своей партіи, собравъ для этого Лестока, Мардефельда, Брюммера, Румянцева и Трубецкого. На этомъ совѣщаніи было рѣшено поручить Лестоку явиться къ государынѣ въ Кремль и отклонить ее отъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ Саксоніей, Англіей и Австріей. Императрица на слѣдующій же день сама подала поводъ Лестоку заговорить съ ней, сказавъ ему: „Не знаю, чего хотѣлъ этотъ сумасшедшій Герсдорфъ, такъ усиленно благодаря меня вчера? Я ему просто сказала, что всегда была другомъ его Государя". Тогда Лестокъ объяснилъ Императрицѣ, что Герсдорфъ хотѣлъ истолковать это завѣреніе въ смыслѣ возможности союза Англіи, Австріи и Саксоніи съ Россіей. Елисавета возразила Лестоку, что никакъ не ожидала возможности такого пониманія ея словъ и была далека отъ мысли давать поддержку въ томъ, чего домогался Герсдорфъ.

Въ тотъ же день послѣ полудня Лестокъ явился къ Шетарди, у котораго былъ въ то время Мардефельдъ. Лестокъ сообщилъ имъ о своемъ разговорѣ и получилъ полное одобреніе отъ обоихъ министровъ. Шетарди счелъ за счастье, что Государыня избавила Лестока отъ труда начать дѣло, но зная, что она не упускаетъ случая уклониться отъ продолженія его, подбивалъ Лестока возобновить осаду, такъ какъ Императрица все слишкомъ легко забываетъ, оставляетъ безъ движенія и, безъ настойчивости съ его стороны, ихъ партія не только ничего не добьется, но и проиграетъ дѣло.

Вскорѣ Лестокъ убѣдился, что, дѣйствительно, ихъ противники не дремлютъ. Нѣсколько дней спустя послѣ разговора съ Шетарди, находясь утромъ у Императрицы, онъ увидѣлъ, что ей принесли пакетъ изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Надпись на немъ, по обычаю, обозначала, что въ немъ заключено: это былъ договоръ съ Саксоніей. Случай показался Лестоку удобнымъ, чтобы возобновить разговоръ о Герсдорфѣ и замыслахъ Бестужева. Онъ началъ съ увѣреній, что не ищетъ у Государыни какихъ либо отличій, служитъ безкорыстно и лишь ради чести. Слава и благоденствіе Государыни его единственная забота и лишь поэтому онъ принялъ такъ близко къ сердцу дѣло Ботты и обидное равнодушіе къ нему Венгерской королевы. Такого отношенія къ больному для чести Императрицы вопросу Лестокъ не можетъ терпѣть, между тѣмъ, императрица-королева, видя неудачу прямыхъ попытокъ сблизиться по старому, ищетъ окольныхъ путей и при посредствѣ съ Саксоніей думаетъ добиться союза съ Россіей. Ели-

савета Петровна властна поступать какъ ей угодно, но для Лестока нѣтъ ничего дороже чести, которая затронута вѣнскимъ дворомъ. Около мѣсяца тому назадъ, какъ извѣстно Императрицѣ, въ голландскихъ газетахъ было напечатано, что въ дѣлѣ маркиза Ботты Австрія не при чемъ,—оно просто на просто французская махинація, въ которой Лестокъ былъ купленнымъ орудіемъ. Конечно, такое толкованіе дѣла исходитъ отъ вѣнскаго двора, и если Елисавета теперь заключитъ съ нимъ союзъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, то вся Европа убѣдится въ справедливости слуховъ, распространяемыхъ голландскими газетами. Тогда Лестоку придется выйти въ отставку или, закончилъ онъ свою горячую рѣчь, „пусть я пропаду тысячу разъ, но я размозжу голову Вашему канцлеру выстрѣломъ изъ пистолета". Лестокъ, говоря такимъ образомъ, исходилъ изъ того соображенія, что единственнымъ человѣкомъ, увлекающимъ Императрицу къ союзу съ Австріей, былъ Бестужевъ, и теперь счелъ необходимымъ высказать вполнѣ свое отношеніе къ ненавистному вице-канцлеру. Онъ, по мнѣнію Лестока, просто мошенникъ, и Императрицѣ уже давно пора убѣдиться въ этомъ. Бестужевъ даже въ сущности не русскій, потому что всей душей преданъ Австріи и Англіи, и не слуга Елисаветы, такъ какъ вполнѣ подкупленъ этими державами. Императрицѣ слѣдовало бы подражать Петру Великому, который на все смотрѣлъ своими глазами и хотя зналъ больше, чѣмъ всѣ его подданные, вмѣстѣ взятые, однако и онъ для завѣдыванія иностранными дѣлами имѣлъ нѣсколькихъ министровъ сразу, а въ числѣ ихъ такихъ, какъ Головкинъ, Остерманъ, Шафировъ, Толстой, Долгорукій... Кромѣ того, Петръ Великій лично прочитывалъ всѣ бумаги, имѣющія отношенія къ иностраннымъ дѣламъ, Елисавета же, не поступая такъ, всецѣло довѣрилась одному человѣку, Бестужеву, извѣстному плуту. Интересы Россіи уже отъ этого сильно пострадали, и Лестокъ указываетъ, какъ на примѣръ такого ущерба, на недавній договоръ съ Англіей [1]) и другіе ему подобные, поднесенные Императрицѣ Бестужевымъ, которые обошлись Россіи въ копеечку, а пользы не принесутъ ни на грошъ ни самой Государынѣ, ни ея наслѣдникамъ. Поэтому Лестокъ совѣтовалъ Елисаветѣ удалить Бестужева и поручить дѣла, ранѣе ввѣренныя ему, такимъ лицамъ, которыя вполнѣ преданы интересамъ Россіи.—Этотъ пассажъ поднялъ желчь у Бестужева, и онъ ядовито приписалъ про-

---

[1]) Союзный трактатъ съ Англіею 11—23 декабря 1742 г. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Ф. Мартенсъ, т. IX. Трактаты съ Англіею 1710—1801. С.-Пб. 1892.

тивъ него на поляхъ депеши: „За сей трактатъ Лестоку отъ Англіи пенсія опредѣлена была и по самый отъѣздъ Вейча продолжалась; но оной, видя, что Лестокъ Франціи преданъ, ему отказалъ, о чемъ канцлеру не токмо Вейчъ и Тироули, но и Гиндфортъ сказывали“ [1]. Такое замѣчаніе особенно зло при сопоставленіи съ дальнѣйшими словами Лестока: онъ совѣтовалъ Императрицѣ привлечь къ дѣламъ правленія тѣхъ лицъ, благополучіе которыхъ зависитъ отъ нея и они будутъ служить ей какъ *честные* люди, не то что канцлеръ, которому никто не довѣряетъ и который изъ-за личныхъ отношеній отказывается вести переговоры съ иностранными министрами и этимъ наноситъ ущербъ государственнымъ интересамъ. Такой ходъ дѣлъ тѣмъ печальнѣе, что имъ подрывается престижъ Императрицы, который легко можно возстановить внутри страны, но почти невозможно въ сношеніяхъ международныхъ, и подданные Государыни, зная это, врядъ ли радуются, видя, какой скотъ поставленъ главой министерства.

По завѣренію Лестока его слова очень сильно подѣйствовали на Елисавету. Она выслушала эту горячую рѣчь молча, по окончаніи ея тоже не промолвила ни слова, но казалась сильно смущенной и какъ бы въ душѣ согласной съ тѣмъ, что только что было ей высказано [2].

Этимъ заканчивается экстрактъ изъ огромнаго письма Шетарди къ Амело отъ 9-го апрѣля 1744 г. Конечно, ко всему тому, что сообщалъ маркизъ своему шефу, министру иностранныхъ дѣлъ, нужно относиться съ большой осторожностью; если даже допустить, что онъ вполнѣ добросовѣстно передалъ то, что ему было разсказано Лестокомъ, то вѣдь и послѣдній слишкомъ часто уклонялся отъ истины, чтобы принимать его слова на вѣру буквально.

По Бестужеву всѣ только что приведенныя соображенія были ни къ чему: онъ старался лишь доказать Елисаветѣ, что Лестокъ стремился представить ее въ смѣшномъ видѣ, сбитой имъ съ толку и смущенной, и конечно достигъ того, что возбудилъ у Императрицы негодованіе и озлобленіе противъ Лестока. Правильно оцѣнивая, какое впечатлѣніе произведетъ Шетардіева депеша, Бестужевъ снабдилъ ее ремаркой: „не соизволитъ ли Е. И. В. и сіе Шатардіево письмо къ допроснымъ пунктамъ присовокупить, дабы Лестокъ по оному толь наипаче уличенъ былъ, ибо хотябъ онъ не все такъ грубо Е. И. В. говорилъ, какъ въ семъ письмѣ изображено, то однакожъ сіе есть

---

[1]) Г. А. VI, № 379, т. II, л. 19.

[2]) Г. А. VI, № 379, т. II, лл. 15—23.

оскорбленіемъ Величеству, что онъ иностранному министру такъ величался. Изъ сего жъ письма можно будетъ другіе многіе допросы уликою ему сочинить" [1]).

Повидимому, эти депеши были поднесены Государынѣ единовременно съ проектомъ допросныхъ пунктовъ Лестоку. Первая ихъ редакція сильно разнится отъ окончательной [2]) и очень ясно выражаетъ тенденцію, которую хотѣлъ провести въ этомъ дѣлѣ Бестужевъ. Они озаглавлены: „Проектъ допросовъ извѣстной персонѣ",—содержаніе же ихъ слѣдующее: 1) „Е. И. В. изъ многихъ перехваченныхъ и съ цифири разобранныхъ реляцій прусскаго министра Финкенштейна къ королю его усмотрѣть изволила, что ты о перемѣнѣ нынѣшняго благополучнаго Государствованія богомерскій замыселъ имѣлъ. Какимъ образомъ и въ пользу кого ты сіе въ дѣйствіе произвести хотѣлъ" [3]). Бестужевъ внимательно читалъ переписку иностранныхъ министровъ и отлично зналъ, что подъ „революціей" они прежде всего подразумѣвали смѣну канцлера, но въ перепискѣ прусскаго посланника съ королемъ часто попадались такіе отзывы о положеніи всего правительства Императрицы и ея самой, что канцлеръ могъ ихъ истолковать въ томъ смыслѣ, что „революція" въ Россіи будетъ состоять въ смѣнѣ царствующаго лица. Бестужевъ такъ и повелъ дѣло, обвиняя Лестока и всѣхъ его сторонниковъ въ намѣреніи свергнуть съ престола Елисавету. Онъ находилъ даже возможнымъ намекать на то, что переворотъ будетъ совершенъ въ пользу великаго князя или великой княгини Екатерины Алексѣевны [4]). Поэтому во второмъ пунктѣ онъ спрашивалъ Лестока: „не уловилъ ли ты Великаго князя и Великую княгиню въ такіе твои проекты вступать, въ какомъ видѣ и какъ? По меньшей мѣрѣ не старался ли ты Ихъ Высочества противъ Ея Величества преогорчить и между ними холодность возбудить?" [5]). Что у Бестужева въ то время были основанія подозрѣвать Лестока въ желаніи услужить молодому двору и сдѣлать въ его пользу возможно больше, существуетъ много доказательствъ. Сама великая княгиня Екатерина впослѣдствіи писала, что Лестокъ искалъ ея милости,

---

[1]) Г. А. VI, № 379, т. II, л. 15. То же, лл. 26 и л. 77.

[2]) А. В. IV, 160—170.

[3]) Г. А. VI, № 379, т. II, лл. 45. „Объявленіе Ивану Лестоку". „Проектъ допросовъ извѣстной персонѣ" лл. 45—47 об.

[4]) Г. А. VI, № 379, т. IV. Экстрактъ. Приговоръ. То же, Чтенія 1884, кн. 3, стр. 15. п. 8.

[5]) Г. А. VI, № 379, т. II, л. 46.

былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ ея партіи, передавалъ ей о чувствѣ преданности и восторга, которые она вызывала у Вульфенштирна, и терпитъ гоненія отъ Бестужева, какъ и прочіе ея друзья [1]). И въ допросныхъ пунктахъ канцлеръ желалъ провести ту мысль, что эти друзья великой княгини Екатерины: Воронцовъ и Трубецкой—главные соумышленники Лестока, поэтому въ третьемъ пунктѣ онъ писалъ: „Во оныхъ Финкенштейновыхъ реляціяхъ видно, что генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, вице-канцлеръ Воронцовъ, главными сообщниками такихъ твоихъ злодѣйскихъ намѣреній были, а о прочихъ токмо генерально именемъ пріятелей упомянуто и что хотя они теперь въ спячкѣ находятся, однако же при революціи возстанутъ,—и потому имѣешь ты безъ малѣйшей утайки объявить, кто именно соучастниками тому были“ [2]). Бестужевъ вполнѣ опредѣленно называетъ Трубецкого и Воронцова участниками злодѣйскихъ намѣреній, но онъ зналъ, что не только многіе, но и сама Императрица не раздѣляла такой точки зрѣнія, и пояснилъ свой тонъ въ примѣчаніи: „Во всѣхъ сихъ пунктахъ, нарочито для того позитивно написано будто о всемъ извѣстно, дабы извѣстная персона (Лестокъ) болѣе въ совѣсти своей изобличена была и не такъ запиралась, якоже такимъ порядкомъ во всѣхъ допросахъ обыкновенно поступается“.

Въ слѣдующихъ пунктахъ у Лестока спрашивали, „не искалъ ли онъ лекарствомъ или ядовитымъ ланцетомъ или чѣмъ другимъ Е. И. В. священную особу живота лишить“? (4 п.). Изъ какихъ побужденій онъ рѣшился на преступленіе? (5 п.). Ради чего выдавалъ Финкенштейну государственныя тайны, вывѣдывая ихъ у Воронцова? (6 п.). Затѣмъ слѣдовала группа вопросовъ относительно денегъ: сколько ихъ получилъ Лестокъ отъ Финкенштейна въ іюлѣ 1748 г. (7 п.). Съ какою цѣлью (8 п.), „для усиленія шайки или для возстановленія бунта“? Отъ кого еще получалъ Лестокъ и сколько (9 п.)? Кто былъ ими подкупленъ? (10 п.). Слѣдующая группа вопросовъ касалась съѣздовъ членовъ партіи Лестока: его спрашивали: какъ смѣлъ онъ ихъ устраивать, зная о запрещеніи общаться съ иностранными министрами (11 п.); о чемъ онъ съ ними совѣщался (12 п.); чѣмъ онъ привлекъ къ тому Веселовскаго (13 п.) и какія конфиденціи въ дѣлахъ сдѣлалъ имъ сей послѣдній? (14 п.). Послѣдній (15) пунктъ

---

[1]) Записки Императрицы Екатерины II. С.-Пб., изд. Суворина 1907 г., стр. 140—141. Не вполнѣ ясный намекъ на значеніе Лестока въ партіи, стр. 197.
[2]) Г. А. VI, № 379, т II, л. 46.

касался совѣтовъ Лестока прусскому королю о диверсіи на Россію со стороны Турціи [1]).

31-го октября 1748 г. Императрица возвратила канцлеру поднесенные имъ допросные пункты, но приказала ихъ заново передѣлать. Ей показалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упомянутые пункты „умягчительны видятся; того ради распорядить ихъ сколько возможно крѣпче и стараться его (Лестока) въ допросахъ разбивать, чтобы все отъ него лутче открыть можно было" [2]).

Елисавета Петровна знала твердость и ловкость Лестока и помнила, что когда передъ переворотомъ 1741 г., въ ноябрѣ, Лестока хотѣли арестовать, онъ сказалъ, что никакой пыткой у него не вырвутъ признанія въ виновности и въ злоумышленіяхъ и его и Цесаревны [3]).

Затѣмъ Елисавета Петровна нашла нужнымъ усилить количество обвиненій Лестока въ оскорбленіи Величества и приказала напамятовать ему, какъ передъ свадьбой великаго князя Петра Ѳеодоровича онъ собирался бить принцессу Цербстскую, но былъ остановленъ Императрицею и въ горячности ей заявилъ, что если бы великая княгиня Екатерина Алексѣевна слушала его Лестоковыхъ да Бримеровыхъ совѣтовъ, то всегдабъ могла водить великаго князя за носъ [4]). Елисавета рѣзко оборвала увлекшагося лейбъ-медика, но и четыре года спустя послѣ этого обстоятельства она не забыла обиды за племянника и приказывала его допросить: „по какому поводу онъ такую смѣлость имѣлъ, чтобы Е. И. В. самой то говорить, что до ея наслѣдника толь поносительнымъ образомъ касается". Не было забыто и представленное Бестужевымъ письмо Шетарди отъ 29-го марта—9-го апрѣля 1744 г. По поводу его Елисавета выразила негодованіе и приказала подробно допросить Лестока, „для чего онъ толь откровенно да и ложно сіе, будто Ея Величество въ робость приведена была, Шетардію сказывалъ". Такимъ образомъ, основные 15 пунктовъ инструкціи должны были пополниться многими новыми. Всѣ ихъ Императрица повелѣла составить поскорѣе и опять поднести ей для просмотра и утвержденія, чтобы какъ можно скорѣе начать по нимъ допросъ и слѣдствіе.

„Для такихъ распрашиваній взять Лестока въ Петербургскую, а не

---

[1]) Ibid., л. 47.

[2]) Г. А. VI, № 379, т. II, лл. 78—80.

[3]) *Е. Щепкинъ.* Русско-австрійскій союзъ. Стр. 97. Ссылка на донесеніе австр. посл. въ Россіи Бернеса деп. отъ 31-го декабря 1748 г.

[4]) Г. А. VI, № 379, т. II, л. 78—78 об.; т. I, л. 26; т. III. Экстрактъ.

въ Адмиралтейскую крѣпость, для лучшаго устрашенія и ему такожде и другимъ". Дѣйствительно, въ то время, по позднѣйшему свидѣтельству Императрицы Екатерины, самое имя Петербургской крѣпости нагоняло холодный ужасъ на всѣхъ. Веденіе дѣла было поручено врагамъ Лестока: Степану Федоровичу Апраксину, впослѣдствіи знаменитому главнокомандующему русской арміей въ Семилѣтней войнѣ, человѣку неустойчивому ни въ убѣжденіяхъ, ни въ дружбѣ и легко поддающемуся вліяніямъ сильныхъ людей, и графу Александру Ивановичу Шувалову, начальнику Тайной канцеляріи. Безгранично преданный Императрицѣ, тупой и жестокій, онъ былъ достойнымъ наставникомъ своего будущаго преемника Шешковскаго. „Александръ Шуваловъ, не самъ по себѣ, а по должности, которую онъ занималъ былъ грозою всего двора, города и всей Имперіи" [1]). Оба судьи были въ тотъ моментъ сторонниками Бестужева, который, какъ это уже показано, тоже принималъ участіе въ дѣлѣ. Приказавъ не назначать сверхъ этихъ лицъ для суда надъ Лестокомъ особой комиссіи, Императрица прибавила еще: „тако же и особливой указъ для того не надобенъ, но Е. И. В. словесно имъ (судьямъ) о томъ приказать изволитъ" [2]).

Относительно Шапизо предполагалось поступать такъ: сначала запугать его арестомъ и угрозой пытки, а потомъ пообѣщать за чистосердечное сознаніе и полное разоблаченіе замысловъ Лестока съ сообщниками, не только полное прощеніе вины, но милость и награжденія отъ Императрицы. Въ распоряженіяхъ и мысляхъ Императрицы, выраженныхъ при докладѣ 18-го и 31-го ноября, замѣтна огромная разница и перемѣна. Повидимому, между этими днями произошли какія-то событія, которыя пока ускользаютъ отъ историковъ, а быть можетъ относятся къ той категоріи личныхъ воздѣйствій, которыя и вообще неуловимы. 31-го она ни словомъ не обмолвилась о Воронцовѣ, котораго какъ будто бы ни въ чемъ не обвиняли: весь гнѣвъ государыни палъ на Лестока.

Въ концѣ октября 1748 года слуги Лестока замѣтили, что въ той тогда сравнительно мало населенной части Петербурга (нынѣш-

---

[1]) Записки Императрицы Екатерины II. Стр. 336. Далѣе: „Онъ былъ начальникомъ государственнаго инквизиціоннаго суда, который звали тогда Тайной канцеляріей. Его занятія, какъ говорили, вызвали у него родъ судорожнаго движенія, которое дѣлалось у него на всей правой сторонѣ лица, отъ глаза до подбородка, каждый разъ, когда онъ былъ взволнованъ радостью, гнѣвомъ, страхомъ или боязнью".

[2]) Книга именныхъ указовъ по дѣлу Лестока Г. А. VI. № 379. Т. I.

ній Лоштуковъ переулокъ) появились какіе-то новые люди. Они ходили то въ одиночкѣ, то по двое, то одѣтые въ солдатскіе плащи, то въ сѣромъ ливрейномъ платьѣ. Эти „незнаемые" люди, какъ называли ихъ слуги Лестока, разспрашивали ихъ, дома ли графъ, или куда съѣхалъ со двора, кто пріѣзжаетъ къ нему въ гости и т. д. Такимъ образомъ осуществлялся негласный надзоръ надъ Лестокомъ, предписанный гр. А. И. Шувалову Императрицей. Начальникъ Тайной канцеляріи поручилъ это дѣло капралу лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка С. Каменову, а тотъ послалъ своихъ солдатъ досматривать Лестока. Конечно, слуги Лестока не преминули доложить о появленіи странныхъ незнакомцевъ тому, кто завѣдывалъ домашними дѣлами, т. е. капитану Александру Шапизо. Шапизо и самъ примѣтилъ какихъ-то подозрительныхъ людей, бродившихъ у дома, замѣтилъ и то, что при видѣ саней Лестока или его, Шапизо, эти люди или прятались, или бѣжали издали за санями, наблюдая, куда онѣ направляются. Боясь, что на Лестока готовится какое-то покушеніе, Шапизо донесъ ему о всемъ видѣнномъ и слышанномъ и получилъ приказаніе поймать выслѣживающихъ Лестока людей. Шапизо находилъ опаснымъ гоняться за солдатомъ по улицѣ и рѣшилъ [1]) выжидать случая поймать кого либо изъ этихъ людей во дворѣ. Такой случай выпалъ на 9-ое ноября 1748 г., когда Шапизо и Лестокъ были въ гостяхъ на обѣдѣ у купца Говерта. Ефрейторъ [2]) и лакей, состоящіе при Лестокѣ, замѣтили, какъ за его санями бросился бѣжать извѣстный уже имъ „сумнительный" человѣкъ въ зеленой солдатской епанчѣ; послѣдовавъ за нимъ, они поймали его во дворѣ у Говерта и привели къ Лестоку. Въ переднюю дома Говерта, куда привели пойманнаго, вышелъ сначала Шапизо и разспросилъ, чего ради солдату понадобилось бѣгать за санями Лестока, но тотъ сталъ увѣрять, что бѣжалъ потому, что торопился найти извощика. Едва успѣлъ окончить свои разспросы Шапизо, какъ изъ внутреннихъ помѣщеній вышелъ Лестокъ, повторилъ вопросъ Шапизо и, не дожидаясь отвѣта, „пошелъ по прежнему въ палату [3]), а за собою и тому человѣку итти приказалъ, который, такожъ и онъ Шапизо, въ ту палату вошли, а въ то время въ той палатѣ были хозяйка того дому и другіе

---

[1]) Г. А. VI. № 379. Т. II. лл. 80—126. Показанія Кондратьева, Семенова, Первова, Шапизо.

[2]) Лестокъ имѣлъ право держать у себя въ домѣ военный караулъ, который постоянно охранялъ его домъ.

[3]) Г. А. VI. № 379. Т. III. Показанія Шапизо лл. 130—131 и лл. 95—96.

женска полу люди, тако жъ и хозяйскіе люди, носили кушанье и тогда его сіятельство при немъ Шапизо и при означенныхъ всѣхъ людяхъ сколько ихъ тогда было (ибо они переходили изъ палаты въ палату) онаго Каменева человѣка Ивана о томъ какой онъ человѣкъ спросилъ", но, видя, что сразу отъ него прямого отвѣта не добьешься, Лестокъ приказалъ своему ефрейтору привести двухъ гренадеровъ, нанять извощичьи сани, посадить въ нихъ захваченнаго человѣка и, покрывъ епанчею, свезти къ нему Лестоку въ домъ и тамъ держать подъ карауломъ. Часу въ седьмомъ, послѣ обѣда у Говерта, Лестокъ съ Шапизо вернулся домой и „приказалъ ему, Шапизо, чтобы онъ помянутому ефрейтору приказалъ означеннаго Каменева человѣка Ивана привести къ себѣ въ палаты, а съ собою бъ тотъ ефрейторъ привелъ двухъ или трехъ человѣкъ солдатъ да барабанщика съ батожьемъ". Затѣмъ арестованнаго отвели въ отдаленную палату дома Лестока, куда явились и солдаты. Здѣсь Лестокъ угрозами и подкупомъ принудилъ захваченнаго имъ человѣка сознаться, что онъ подсматривалъ за нимъ, и тотъ разсказалъ, что дѣлаетъ это по приказанію начальства. Лестоку стало ясно, въ чемъ дѣло, но онъ рѣшилъ искать покровительства и защиты. Прежде всего онъ поѣхалъ посовѣтоваться къ кн. Н. Трубецкому [1]), а отъ него отправился къ государынѣ, приготовивъ предварительно записку, въ которой разсказалъ о поимкѣ солдата, о томъ, что тотъ ему разсказалъ, и просилъ у Императрицы суда и милости. Елисавета выслушала его жалобу и спросила, гдѣ захваченный имъ солдатъ. Лестокъ немедленно написалъ записку Шапизо, который и привезъ арестованнаго во дворецъ [2]). Солдата отправили въ Тайную канцелярію, но весь пріемъ и всѣ слова Императрицы показали Лестоку, что его положеніе уже таково, когда ни помощи, ни заступничества ждать неоткуда,—онъ погибалъ. Въ этотъ памятный вечеръ его встрѣтила при дворѣ в. к. Екатерина и подошла къ нему, какъ къ своему благожелателю и знакомому, но Лестокъ вполголоса сказалъ ей: „не подходите ко мнѣ". Екатерина подумала, что лейбъ-медикъ навлекъ на себя минутный гнѣвъ Императрицы, и такъ какъ онъ говорилъ ей въ подобныхъ случаяхъ: „Шарлота, держитесь прямо" (какъ говорятъ гувернантки, дѣлая замѣчанія дѣтямъ), великая княгиня хотѣла отвѣтить ему этой шуткой,

---

[1]) Изъ дѣлъ можно заключить, что Лестокъ ѣздилъ совѣтоваться къ Трубецкому послѣ обѣда у Говерта и до допроса солдата.

[2]) Г. А. VI. № 379. Т. II. Показанія Шапизо, лл. 127—134 об. и лл. 89-102, 114—116 об.

но въ тонѣ Лестока было что-то совсѣмъ не шуточное; тогда Екатерина подумала, что Лестокъ перешелъ въ другую партію и боится скомпрометировать себя, явно обнаруживъ ей свое дружелюбіе, и упрекнула его, но Лестокъ повторилъ просьбу оставить его въ покоѣ. Рѣчи и видъ Лестока обнаруживали такое разстройство и возбужденіе, что Екатерина сочла его пьянымъ [1]). На слѣдующій день послѣ описанныхъ происшествій—10-го ноября 1748 г. въ Тайную канцелярію былъ приведенъ капитанъ Шапизо. Ему было объявлено подъ угрозой пытки о необходимости чистосердечнаго признанія во всемъ, что онъ знаетъ, а для устрашенія съ него сняли офицерскій мундиръ и одѣли на него арестантскую шубу. Перепуганный на смерть, Шапизо сразу же понялъ, что гроза на Лестока грянула со стороны Бестужева, и заявилъ готовность показать все, ему извѣстное. Его спросили, что онъ знаетъ о сношеніяхъ Лестока съ иностранными министрами, и онъ разсказалъ, что Лестокъ видается со шведскими, прусскими и датскими министрами, разсказалъ о цифирной перепискѣ съ Шетардіемъ, о настойчивыхъ убѣжденіяхъ маркиза, чтобы Лестокъ „старался дабы А. П. Бестужеву-Рюмину канцлеромъ не быть", и Лестокъ „писалъ, что онъ о томъ стараться будетъ". Показалъ, что „помянутой графъ Лестокъ про означеннаго канцлера Бестужева Рюмина въ кампаніяхъ у себя въ домѣ говорилъ неоднократно, что оной Бестужевъ противъ интересу Государинина несовѣстно поступаетъ и положенныя на него дѣла отправляетъ непорядочно и другихъ обижаетъ" [2]). Не довольствуясь устнымъ показаніемъ, Шапизо подробно изложилъ все имъ сказанное въ письмѣ на нѣмецкомъ языкѣ [3]). Въ немъ онъ подробнѣе разсказываетъ о томъ, что показалъ на допросѣ: большая часть переписки Лестока шла черезъ него— Шапизо, но она была преимущественно съ Шетардіемъ и прекратилась по высылкѣ маркиза изъ Москвы. Правда, и послѣ этого событія Лестокъ получилъ отъ Шетарди два письма, но въ одномъ были лишь счета за заказанныя въ Парижѣ для него ливреи, а въ другомъ упоминалось о табакеркахъ и костяныхъ издѣліяхъ, часть которыхъ надо было передать *Герою* [4]). По смыслу письма Шапизо догадался, „что сіе высочайшее имя Ея Величество означаетъ". Боль-

---

[1]) „Записки". Стр. 140—141.

[2]) Г. А. VI, № 379. Т. П. Показаніе Шапизо 10-го ноября. лл. 158 и 159.

[3]) Ibid., лл. 161—165. Переводъ лл. 167—171.

[4]) Именемъ Героя, или Геро Шетарди называлъ Елисавету послѣ переворота 25-го ноября 1741 г.

шаго о сношеніяхъ Лестока съ Шетарди Шапизо не зналъ, но зато онъ распространился о другихъ иностранныхъ министрахъ. Особенно близкими къ нему оказались прусскіе. У Лестока была „особливая дружба" съ Мардефельдомъ, съ нимъ у него бывали частые съѣзды и разговоры, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ секретарь посольства очень аккуратно сообщалъ Лестоку рескрипты и экстракты Берлинскаго двора. Послѣ отъѣзда Мардефельда у Лестока завязалась дружба съ графомъ Финкенштейномъ. Они встрѣчались и на дому другъ у друга и у шведскаго и датскаго министровъ, которые принадлежали къ ихъ компаніи, и на прогулкахъ на Аптекарскомъ островѣ и на рѣкѣ Фонтанкѣ. Шапизо вполнѣ опредѣленно говорилъ, что и графъ Лестокъ французской и прусской партіи держится, что партія эта враждебна Бестужеву, о которомъ поэтому Лестокъ „часто говорилъ то же, что недругъ о недругѣ говорить можетъ", т. е. „что канцлеръ во всемъ свою собственную корысть болѣе нежели всевысочайшіе интересы Е. И. В. наблюдаетъ; часто Е. И. В. дѣла весьма инако, нежели истинно оныя въ дѣлѣ суть, представляетъ и всѣмъ тѣмъ, кои съ нимъ совершенно не согласуются, вредъ причинить старается" [1]). Но Шапизо не разъ указывалъ, что всѣ его сообщенія относятся по преимуществу къ прошлымъ годамъ: „понеже тому нынѣ болѣе двухъ лѣтъ, какъ графъ Лестокъ отъ двора всегда мало по малу отдаляется и не столь часто тамъ бываетъ, какъ прежде сего, да и что по моему (Шапизо) мнѣнію, въ семъ послѣднемъ году [2]) его брачнаго сочетанія госпожа графиня ему наиболѣе къ тому присовѣтовала такожъ, что онъ, графъ, о безпокойствіяхъ бывавшихъ отъ многихъ поѣздокъ двора часто жалуется (то есть что ему трудны) и поэтому уже около двухъ лѣтъ, и особливо во всемъ послѣднемъ годѣ, почти совсѣмъ отъ него отсталъ" [3]).

Эти показанія дали матеріалъ для пополненія обвинительныхъ пунктовъ, какъ Лестоку, такъ и самому Шапизо, котораго подвергли второму допросу 11-го ноября [4]). Сначала Шапизо прочли именной указъ о допросѣ его, а потомъ ему по пунктамъ пришлось повторить и еще пополнить сообщенное наканунѣ въ показаніяхъ и письмѣ. Шапизо назвалъ между прочимъ (6 п.) друзей Лестока: князя Н. Ю. Трубецкого, А. И. Румянцева, вице-канцлера М. И. Воронцова, сенатора

---

[1]) Г. А. VI, № 379. Т. II. Письмо Шапизо, л. 167 об.

[2]) Ноябрь 1747 г. Лестокъ женился вторымъ бракомъ на Маріи Менгденъ.

[3]) Ibid., л. 170.

[4]) Ib. Указъ именной о допросѣ Шапизо, л. 175.

Алексѣя Голицына, князя Ивана Одоевскаго, камергера князя П. Голицына, шталмейстера Сумарокова, оберъ-церемоніймейстера Сантія, словомъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя принадлежали къ франко-прусской партіи и были враждебны Бестужеву. Показалъ Шапизо и то, что Лестокъ получалъ большія суммы денегъ отъ иностранныхъ дворовъ, прусскаго и французскаго [1]. Теперь въ рукахъ судей былъ большой матеріалъ для обвиненія Лестока. Послѣдній же, узнавъ объ арестѣ Шапизо, торопился уничтожить все, что могло бы дать улики его врагамъ. 10-го ноября по утру, когда еще было темно [2], Лестокъ послалъ за шведскимъ посланникомъ Вульфенштирной, уже готовившимся уѣзжать, и вручилъ ему часть своихъ бумагъ и писемъ, которыя онъ разобралъ ночью. Часть же ихъ, имѣющую отношеніе къ Императрицѣ, онъ отвезъ къ ней и еще разъ обратился къ ея милосердію. 13-го ноября послѣдовалъ именной указъ: „Графа Лестока по многимъ и важнымъ его подозрѣніямъ арестовать и содержать его и жену его порознь въ домѣ ихъ подъ карауломъ, чего ради приставить къ нимъ пристойной отъ лейбъ-гвардіи караулъ. А людей его никого, кто у него въ домѣ живетъ, никуда до указу съ двора не пускать, тако же и другихъ постороннихъ никого въ тотъ дворъ ни для чего не допускать, а письма, какія у него есть, также и пожитки его Лестоковы, собравъ въ особые покои, запечатать и по тому же приставить къ нимъ караулъ“ [3].

Теперь Лестоку предстоялъ допросъ. Императрица просмотрѣла „пункты“ для него, составленные въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ [4], и прибавила къ нимъ собственноручно противъ шестого изъ нихъ:

„Возможно ли подумать вѣрному рабу не токмо и учинить, какъ ты столь дерзостно, учинилъ. Вѣдая [5] жъ совершенно во всемъ свѣтѣ запрещенное, а здѣсь наипаче, въ самодержавномъ государствѣ, что кому не поручены дѣла съ министрами видѣться тайно, сирѣчь къ нимъ ѣздить и ихъ по выбору къ себѣ звать, а наипаче, которые государству и государю противныя и интересу, съ такими, какъ шведской и прусской, а ты отважился всегдашнюю компанію у себя во-

[1] Ibid. Показанія Шапизо при допросѣ 11-го ноября и его приписка къ показаніямъ 12-го ноября, лл. 206—210.

[2] Въ девятомъ часу утра.

[3] Г. А. VI, № 379, т. I, л. 8.

[4] Черновики, хранящіеся въ Г. А. писаны рукою Волкова, надо полагать по указаніямъ, а можетъ быть и подъ диктовку самого Бестужева.

[5] Въ допросныхъ пунктахъ: „вѣдаешь“; въ копіи рукою Волкова: вѣдаешь; въ подлинномъ: вѣдая жъ.

дить и у нихъ быть, и забывъ страхъ божій, и запрещенное отъ своего государя (именной указъ еще въ Москвѣ объявленъ, какъ плутъ Шетарди высланъ)[1], чтобъ окромѣ публичныхъ обѣдовъ никому обхожденіе не имѣть съ чужестранными министрами, какое оправданіе принести можешь?"[2]).

Эту приписку помѣстили въ допросъ въ качествѣ перваго пункта[3]). Кромѣ того въ концѣ „проекта" она приписала слѣдующія строки, впослѣдствіи составившія начало второго пункта[4]).

„Безбожни твои поступки. Отъ богомерзкаго человѣка Шетардія присланы табакерки; именно написаны были, чтобъ Геро отдать[5]). Вѣдаешь самъ, кому онъ сіе имя давалъ, и послѣ его высылки тое онъ дерзостно учинилъ; а ты, какъ присяжный человѣкъ, такую ли вѣрность имѣешь государю своему, что не токмо объявить тотъ часъ должно былобъ, но и утая объ ономъ никогда не доносить, что такой бездѣльникъ столь дерзостно учинилъ, въ чемъ честь государеву должно всякому вѣрному рабу хранить. А ты, непотребно любя Шетардія, такого плута, да государя премѣнилъ на него. То подумай, чему ты достоинъ?"

14-го ноября 1748 г. на домъ къ Лестоку прибыли генералъ С. Апраксинъ и генералъ-лейтенантъ графъ А. И. Шуваловъ и, прочитавъ ему высочайшій указъ о показаніи ему истины, подвергли его допросу по 24 пунктамъ[6]).

На первый же изъ нихъ Лестокъ отвѣтилъ такимъ образомъ, какимъ отвѣтилъ и на дальнѣйшіе: онъ заявилъ, что *не зналъ* о запрещеніи видѣться съ иностранными министрами, *не вѣдалъ*, что прусскій и шведскій посланники государству и государя интересу противны. Свои свиданія и сношенія съ ними онъ объяснялъ обыкновеннымъ знакомствомъ, общимъ интересомъ къ карточной игрѣ и компаніи, *отрицалъ*, что получаетъ или получалъ какіе либо подкупы или пенсіи, упоминая только о подаренныхъ ему французскимъ королемъ 10.000 рублей, принять которые ему было своевременно разрѣшено

---

[1]) Скобки мои. В. Ф.

[2]) Экземпляръ допроса съ помѣтой Елисаветы Г. А. VI, № 379, т. I. книга именныхъ указовъ, л.л. 12—21, надпись на л. 15.

[3]) А. В. IV, 161.

[4]) Г. А. VI, № 370, т. I, л. 21 об.

[5]) Ib., л. 11. Императрица объ этомъ узнала изъ показаній Шапизо.

[6]) Пункты эти помѣщены въ А. В. IV, стр. 160—170. Отвѣты Лестока Г. А. VI, № 379, т. I, лл. 12—26.

Государыней. На главный пунктъ обвиненія [1]): „перемѣнить нынѣшнее благополучное государствованіе, о чемъ онъ съ шведскими и прусскими министрами соглашался“, Лестокъ отвѣчалъ: „о перемѣнѣ нынѣшняго благополучнаго государствованія никакова умысла и разсужденія не токмо съ прусскими и шведскими министрами, но и ни съ кѣмъ никогда онъ, Лестокъ, не имѣлъ и ни въ чемъ томъ со оными министрами онъ не соглашался, но онъ де, Лестокъ, всегда желаетъ, дабы нынѣшнее государствованіе въ благополучіи состояло; а о протчемъ де показанномъ воономъ пунктѣ ни о чемъ онъ, Лестокъ, не знаетъ и никакихъ единомышленниковъ въ томъ онъ не имѣетъ, а показанные де Мардефельдъ и Финкенштейнъ показывали ему получаемые токмо одни о тамошнемъ обращеніи куранты и письменныя вѣдомости, а другихъ де никакихъ королевскихъ указовъ ему никогда они не показывали“ [2]).

Лестокъ во всемъ запирался, но многіе изъ предъявленныхъ ему вопросовъ задавались лишь для формы, какъ напримѣръ вопросъ о королевскихъ указахъ, такъ какъ перлюстрація давно уже вполнѣ опредѣленно доказала его виновность въ этомъ отношеніи.

Перечитывая его показанія, Елисавета на поляхъ дѣлала ремарки. Такъ противъ пункта, въ которомъ говорилось о табакеркахъ, присланныхъ Шетарди для Геро, она надписала: „не долженъ ли ты былъ, какъ рабъ, доложить государю, что не зналъ, что онъ плутъ, то отъ меня прощено было бъ...“ [3]).

Противъ пункта о посѣщеніи Лестокомъ купца Говерта она замѣтила: „для чего утаено, какъ онъ человѣка поималъ, то къ Трубецкому ѣздилъ спрашивать, что дѣлать со онымъ человѣкомъ? То ежели ты откровенность съ нимъ не имѣлъ, только незнаніе, какъ по указамъ должно поступать, то лутче у Александра Ивановича Шувалова спросить, для того такіе допросы не въ Сенатѣ, но по Тайной канцеляріи судятся“ [4]).

Но въ тотъ же день 14-го ноября былъ допрошенъ зять Лестока Бергеръ, и его показанія подтвердили почти все, что было неблагопріятнаго для Лестока въ показаніяхъ Шапизо: и его небезкорыстныя сношенія съ иноземцами, и подкупы и т. д. [5]).

---

[1]) Г. А. VI, № 379, т. I. Пунктъ 4. Отвѣтъ ib. л. 15 об.

[2]) Ib. Допросъ Лестока 14-го ноября см. т. II, л.л. 248—260.

[3]) Ib. т. I, л. 14.

[4]) Ib. т. I, л. 19 об.

[5]) Г. А. VI, № 379, т. II, л.л. 247—248 и 279—280.

15-го ноября Лестока подвергли второму допросу, давшему тотъ же результатъ, что и первый.

16-го ноября въ домѣ Лестока вновь появились С. Апраксинъ и гр. Ал. Шуваловъ и, прочтя Лестоковой женѣ Высочайшій указъ „о показаніи самой истины, о чемъ она спрашивана будетъ", допросили ее.

„Лестокша", какъ названа она въ подлинномъ дѣлѣ, показала, что ея мужъ дѣйствительно „имѣлъ обхожденіе" съ иностранными министрами, но оно было основано на пріязни и желаніи веселѣе проводить время. Никакихъ же тайныхъ конфиденцій [1]) между ними она никогда не слыхала. Въ числѣ друзей мужа изъ русскихъ она назвала кн. Трубецкого, гр. Воронцова и гр. Румянцева съ женами. На всѣ же остальные вопросы о злоумышленіяхъ и подкупахъ мужа Лестокша отзывалась незнаніемъ или даже отрицала самые факты [2]). Судьи заключили, что обвиняемые рѣшили въ своихъ винахъ запираться, и 16-го ноября представили государынѣ соотвѣтственный докладъ. „Ея Императорское Величество изволила указать оныхъ Лестока и жену его въ домѣ ихъ спросить, что они во оныхъ своихъ распросахъ самую ли сущую правду показали и въ томъ ли они, что въ тѣхъ распросахъ показали, утверждаются и ежели они утвердятся на прежнихъ своихъ показаніяхъ, то какъ Лестока, такъ и жену его изъ дому ихъ перевести въ крѣпость и содержать ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ [3]) и при томъ они генералъ-аншефъ и кавалеръ С. Ѳ. Апраксинъ и генералъ-лейтенантъ и кавалеръ графъ А. И. Шуваловъ отдали (въ Тайную канцелярію) именной Ея Императорскаго Величества указъ, писанной собственною Ея Императорскаго Величества рукою, о которомъ всевысочайшемъ указѣ они, генералъ и кавалеръ С. Ѳ. Апраксинъ и генералъ-лейтенантъ и кавалеръ гр. А. И. Шуваловъ, объявили, что того же 16-го дня ноября оной всевысочайшій Ея Императорскаго Величества именной указъ соизволила имъ отдать Ея Императорское Величество и притомъ Ея Императорское Величество соизволила жъ имъ, генералу и кавалеру Апраксину и генералъ-лейтенанту и кавалеру гр. Шувалову, указать помянутаго Лестока въ силу онаго именного Ея Императорскаго Величества указа распрашивать и что оной Лестокъ покажетъ, доложить

---

[1]) Этому слову въ XVIII в. придавали всегда значеніе политическое, т. е. довѣріе по дѣламъ государственнымъ.

[2]) Г. А. VI, № 379, т. I, л.л. 28—30. Распросъ Лестокшѣ (всего 8 пунктовъ).

[3]) Копія указа. Ib. т. III, л. 1 и л. 5.

Ея Императорскому Величеству". Указъ, о которомъ упоминается здѣсь, былъ слѣдующаго содержанія.

„Я хотѣла, за прежнія твои услуги, а не за нынѣшные твои безсовѣстные поступки всякую милость показать и для того велѣла на дому арестовать, а не въ крѣпости. Но ты своимъ непокорствомъ, что ни въ чемъ правды не сказываешь, то принуждена всѣ забыть твои услуги; видя тебя столь безсовѣстного, такъ, какъ злодѣя спрашивать и въ городъ [1]) посадить съ женою и разыскивать васъ всѣхъ повелѣла. Только ежели ты по сему письму правду скажешь, всю, безъ всякихъ оговорокъ, что ты учинилъ, то еще можешь милость себѣ получить, а что ты запираешься, что отъ меня не слыхалъ, что мнѣ прусской и шведской посланники противны, не токмо вѣдалъ, но такъ откровенно мнѣ сказалъ, какъ я тебѣ сказала, что король прусской спрашивалъ Манштейна довольно ли одного его солдата противѣ моихъ четырехъ, то ты мнѣ отвѣтствовалъ, что ежели король говорилъ, то онъ никакого разума не имѣетъ, понеже его интересъ во ономъ не зависитъ, чтобы со мною дружбу разсоривать. И при томъ ты мнѣ сказалъ, что ты свою голову хочешь дать въ поруки, что онъ того не учинитъ, чтобы войну со мною имѣть и при томъ сказалъ: „канцлеръ, не любя короля [2]), неправду Вамъ донесъ, извольте спросить вице-канцлера, въ какихъ онъ персонально короля видѣлъ и въ какихъ сантиментахъ его видѣлъ предо мною, то лучше можете услышать". А ты почему знаешь, что король прусской и его интересъ во ономъ заключается, чтобъ противъ меня не воспринять [3]). Ежелибъ ты со оными министрами откровенности не имѣлъ, тобъ ты свою голову не отдавалъ, понеже у тебя не двѣ головы, чтобъ одна мнѣ, а другую для короля была" [4]).

Допросные пункты были заново переработаны и въ нихъ внесли то, что приписала на поляхъ показаній Лестока (14-го ноября) Елисавета [5]). Кромѣ того изъ ея указа было составлено шесть особыхъ пунктовъ и по нимъ предположенъ особый допросъ [6]). Онъ произошелъ 18-го ноября въ Тайной Канцеляріи. Лестокъ по прежнему

[1]) Крѣпость.

[2]) Прусскаго.

[3]) Войны.

[4]) Г. А. VI, № 379. т. I. Книга именныхъ указовъ, л.л. 21 об.—22 об. Собственноручно, безъ подписи. Копія т. III; л.л. 2 и 6.

[5]) Ib. Т. I лл. 33—40. Всего 11 пунктовъ.

[6]) О выработкѣ пунктовъ для допроса 18-го ноября въ Г. А. VI № 379 Т. III, л. 6—21.

стоялъ на своемъ, и по существу его новыя показанія не подвинули дѣла ни на шагъ [1]), хотя и сообщили слѣдователямъ нѣкоторыя новыя знанія. Такъ по поводу угрозы „прострѣлить канцлеру голову пистолетою“ или, какъ показалъ Шапизо: „пулю въ лобъ пустить“, Лестокъ заявилъ, что „объ ономъ де онъ, Лестокъ, говаривалъ неоднократно по злобѣ на оного канцлера Алексѣя Петровича, что онъ ему непріятель и въ государственныхъ дѣлахъ (какъ самъ онъ мнѣніемъ своимъ дознавается) не такъ поступаетъ, а того де дѣйствомъ съ нимъ Алексѣемъ Петровичемъ учинить онъ намѣренія не имѣлъ и желаетъ ему на свѣтѣ жить для того, чтобы всѣ его непорядочные поступки могли наружу выйдти, а онъ де, Лестокъ, о тѣхъ его не порядочныхъ поступкахъ, которые ему, по его мнѣнію противны были, вспомнить нынѣ не можетъ, а въ тогдашніе де времена доносилъ онъ о томъ Ея Императорскому Величеству, а Шетардію де никогда онъ о томъ не пересказывалъ“ [2]). При этомъ допросѣ по двумъ пунктамъ онъ долженъ былъ разъяснить свои сношенія съ принцессой Цербстской (п. п. 7—8), но и ихъ онъ разсматривалъ какъ простое знакомство, въ которомъ не было и тѣни дѣлового, а въ чемъ именно оно состояло, „онъ подлинно не упомнитъ“. Такимъ же запамятованіемъ отозвался онъ и на допросъ по содержанію указа Императрицы.

Въ виду разногласій въ показаніяхъ Шапизо и Лестока имъ дана была того же 18-го ноября очная ставка, но каждый изъ нихъ стоялъ на своемъ [3]), и тѣмъ самымъ дѣло шло вѣрнымъ путемъ къ пыткѣ. 23-го ноября все уже было къ ней готово, а такъ какъ пытка вела къ лишенію имущественныхъ правъ или къ ограниченію ихъ, то для выясненія денежныхъ дѣлъ Лестока была учреждена особая коммиссія въ его домѣ, но до физической пытки на Лестока хотѣли оказать моральное воздѣйствіе. Знали,—и это подтвердилъ въ своихъ показаніяхъ Шапизо—что Лестокъ очень любилъ свою молодую жену [4]), и 23-го ноября

---

[1]) Ib. лл. 22—27.

[2]) Ib. T. IV. Экстрактъ п. 10.

[3]) Ib. T. I. лл. 40—40 об. T. III. лл. 33—34.

[4]) Уже сидя въ крѣпости, онъ страдалъ больше всего отъ разлуки съ нею. Перехваченная записка уже старика Лестока (ему въ 1748 году было 56 лѣтъ) совсѣмъ юное посланіе. „Душа моя! женихъ твой Лестокъ цѣлуетъ тебя и твое прекрасное тѣло. Ежели ты, дорогая моя, по единажды въ недѣлю писать станешь, то я доволенъ буду. И пиши всегда въ густой или жидкой кашѣ. Токмо, чтобъ оная каша не чрезъ мѣру жидка была бъ. Кавалеръ весьма прилежно за мною смотритъ, чего я дѣлаю: такъ что не знаю, усмотрѣлъ ли или не догадался, что въ кашѣ мнѣ то чинить удобно, ибо я беру ложкою въ ротъ, еже то никто не примѣчаетъ“... Г. А. VI № 380. T. I, л. 8.

было предписано къ Лестоку „допустить жену его Марью, чтобы она того своего мужа увѣщала, дабы онъ, о чемъ былъ въ Тайной Канцеляріи спрашиванъ, показалъ сущую правду“ [1]). Увѣщаніе не подѣйствовало. Лестокъ держалъ себя по прежнему твердо и смѣло. Съ перваго же дня заключенія въ крѣпости (съ 17-го и по 23-е ноября), въ теченіе семи дней онъ отказывался отъ пищи и даже внушилъ судьямъ опасеніе въ намѣреніи заморить себя голодомъ. Обычно жизнерадостный и бойкій, изрѣдка онъ подвергался тяжелымъ припадкамъ меланхоліи. Такъ еще въ 1745 году онъ даже поговаривалъ о самоубійствѣ, и былъ такъ изнуренъ, что „ежелибы жена его не просила, чтобъ онъ лечился, тобъ онъ и безъ лѣкарства умеръ“ [2]). Теперь въ заключеніи онъ вновь почувствовалъ отвращеніе къ жизни и сталъ равнодушно ждать пытки. Послѣ неудачнаго увѣщанія жены, Лестоку прочли высочайшій указъ. „Ивана Лестока въ запирательствѣ его съ очныхъ ставокъ и въ протчемъ привести въ застѣнокъ и поднявъ на дыбу разспросить накрѣпко, а о чемъ разспросить и о томъ изъ дѣла учинить пункты, а о имѣющихся его долгахъ, на комъ его тако жъ и на немъ чьи долги или изъ пожитковъ и денегъ въ сохраненіи имѣется и объявленіи ихъ во учрежденной въ домѣ того Лестока комиссіи съ крѣпкимъ подтвержденіемъ чрезъ полицмейстерскую канцелярію публиковать“ [3]). Передъ тѣмъ какъ давать этотъ указъ о пыткѣ, Императрица сообщила гр. А. И. Шувалову рядъ пунктовъ, по которымъ велѣла Лестока не спрашивать. Въ числѣ ихъ особенно примѣчательны: о корреспонденціи Лестока, въ которой до 1744 года было слишкомъ много лично касающагося Елисаветы; о Бестужевѣ-Рюминѣ, отношенія къ которому были и такъ ясны; о Трубецкомъ и Воронцовѣ [4]). Исключеніе изъ дѣла двухъ послѣднихъ было тяжелымъ ударомъ для канцлера, и, конечно, онъ не могъ оставить его безъ возраженій. Готовя пункты для допроса Лестоку, онъ въ то же время собиралъ матеріалы, которые съ его точки зрѣнія должны были дать новыя данныя для обвиненія Воронцова передъ Императрицей.

23-го ноября Лестокъ былъ поднятъ на дыбу, но пытка не вынудила у него признанія въ винѣ, которую судьи давно уже считали доказанной [5]).

---

[1]) Г. А. VI, № 379. Т. I, л. 23. Т. III, л. 73.

[2]) Ib. Т. IV. Экстрактъ, п. 16.

[3]) Т. I. Книга указовъ, л. 24.

[4]) Ibid., л. 27.

[5]) Ibid. Т. III, лл. 73—83 об.

24-го ноября имущество Лестока было конфисковано. Алмазныя и вообще драгоцѣнныя вещи были внесены на верхъ, къ Императрицѣ, и она отобрала изъ нихъ лучшія. 25-го ноября такъ же поступили съ золотыми вещами. Остальное имущество Лестока описали и по мѣрѣ составленія описи все отборное подносили Государынѣ (съ 3-го по 15-ое декабря 1748 г.). 16-го оставшіяся неотобранными вещи Лестока начали раздавать лицамъ, причастнымъ къ суду надъ нимъ [1].

29-го ноября по дѣлу Лестока составили экстрактъ. За экстрактомъ слѣдовало постановленіе [2], снабженное выписками изъ Уложенія [3], Военнаго Артикула [4] и Военнаго Регламента [5], и приговоръ.

Перечисливъ всѣ вины Лестока, числомъ двѣнадцать [6], судьи заключили: „и тако оный Лестокъ по всѣмъ вышеобъявленнымъ обстоятельствамъ не токмо подозрителенъ, но и въ тяжкихъ и важныхъ преступленіяхъ и винахъ явился, за что онъ, Лестокъ, по силѣ всѣхъ государственныхъ правъ подлежитъ смертной казни,—однакожъ не соизволитъ ли Ея И. В. изъ высокоматерняго своего милосердія для многолѣтняго Ея И. В. и высочайшей Ея И. В. фамиліи здравія, отъ смертной казни учинить его, Лестока, свободна, а вмѣсто того не соизволитъ ли же Ея И. В. указать учинить ему, Лестоку, нещадное наказаніе кнутомъ и послать его въ ссылку въ Сибирь въ отдаленные города, а именно въ Охотскъ, и велѣть его тамъ содержать до кончины живота его подъ крѣпкимъ карауломъ. Движимое и недвижимое помянутаго Лестока имѣніе безъ остатку отписать на Ея И. В.“. Такимъ образомъ приводилось въ исполненіе желаніе Бестужева заслать Лестока „въ Камчатку“.

Въ черновикѣ приговоръ по всему дѣлу заканчивался только что

---

[1]) Ibid. Т. I. Книга указовъ, лл. 28—37.

[2]) Чтенія М. О. И. и Др. Россійскихъ 1881 г. М. Семевскій. Лестокъ, стр. 9—18.

[3]) Гл. II, п. 1, 2, 5, 7, 19.

[4]) §§ 20. 135. 136.

[5]) Гл. 14 и 50,

[6]) 1. Сношенія съ иностранными министрами. 2. „Безбожно, съ презрѣніемъ отговаривался“, что не слышалъ именного указа, запрещавшаго эти сношенія. 3. Говорилъ о великомъ князѣ весьма непристойныя и важныя слова. 4. Сношенія съ Шетарди послѣ высылки его изъ Москвы. 5—6. Подкупныя пенсіи отъ иноземцевъ. 7. Рядъ обвиненій на основаніи письма Шетарди отъ 29-го марта –9-го апрѣля 1744 г. 8. Намѣреніе совершить государственный переворотъ, пользуясь ссорой между молодымъ дворомъ и Императрицей. 9. Конфиденціи съ Вульфенштерной. 10. Конфиденціи съ прусскими министрами. 11. Конфиденціи съ Трубецкимъ. Воронцовымъ и т. д. 12. Намѣреніе лишить себя жизни.

приведенными словами, но передъ поднесеніемъ его Императрицѣ (того же 29-го ноября) въ него было вписано еще слѣдующее: „Что же помянутый Лестокъ о генералъ-прокурорѣ Трубецкомъ и о графѣ Румянцевѣ и о прочихъ вышеобъявленныхъ персонахъ, чтобъ онъ съ ними какія конфиденціи имѣлъ точно упрямствомъ своимъ (и съ подъему) не показалъ,—но понеже, какъ выше явствуетъ и Шетардій въ письмѣ своемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ о бывшихъ между ими совѣтованіяхъ именно изъяснилъ, но оные въ томъ ни отъ кого не изобличены, а ежелибъ они изобличены были, то бъ подвержены были и они показанію. Однакожъ оное все предается въ Высочайшее Ея И. В. соизволеніе“ [1]).

Приговоръ этотъ, отчасти приведенный въ исполненіе (отобраніе имущества Государыней) еще до составленія его, въ цѣломъ долго ждалъ своего утвержденія. 17-го декабря лейбъ гвардіи Семеновскаго полка поручику князю Несвицкому была дана инструкція о содержащихся въ Санктпетербургской крѣпости въ особливыхъ отъ Тайной Канцеляріи покояхъ порознь Ивана Лестока и жены его.

Инструкція эта была въ пяти пунктахъ. Въ первомъ говорится о содержаніи заключенныхъ подъ крѣпкимъ карауломъ. „Ихъ другъ къ другу, такожъ и къ нимъ постороннихъ людей ни для чего отнюдь не допускать, такожъ и писемъ никакихъ ни къ нему писать или не давать, чего ради чернилъ, пера, бумаги отнюдь бы при нихъ не было“.

Во второмъ рѣчь идетъ о прислугѣ для заключенныхъ: при Лестокѣ оставили одного служителя, а при женѣ его—служанку, которые допускались къ нимъ на короткое время только для услугъ.

Третій пунктъ опредѣлялъ способъ продовольствованія узниковъ. „Пищею ихъ Лестока и жену его такожъ и людей ихъ во всемъ довольствовать изъ имѣющихся домовыхъ онаго Лестока припасовъ, а тѣ припасы требовать вамъ (кн. Несвицкому) изъ учрежденной для описи помянутаго Лестока имѣнія Коммиссіи“. Лѣтомъ, осенью и весной припасы посылались изъ дома Лестока по Фонтанкѣ и Невѣ на лодкѣ, зимой на Петербургскую Сторону переселяли повара со слугами, и онъ кормилъ заключенныхъ. Въ четвертомъ пунктѣ инструкціи Нес-

---

[1]) Чтенія. М. Семевскій. Лестокъ, стр. 18. Конецъ статьи совершенно не вѣренъ: „Императрица смягчила приговоръ Тайной канцеляріи: Лестокъ былъ сосланъ въ Угличъ (на самомъ дѣлѣ—въ Устюгъ Великій). Что же касается до другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, то изъ нихъ жена Лестока освобождена отъ всякой отвѣтственности“ (въ дѣйствительности была посажена въ крѣпость, гдѣ и содержалась до 1753 г., затѣмъ сослана вмѣстѣ съ мужемъ).

вицкому предписывалось ежедневно рапортовать по начальству, а въ пятомъ выяснялась его отвѣтственность: „Во всемъ порученномъ вамъ дѣлѣ имѣете поступать какъ вѣрному Е. И. В. рабу принадлежитъ, опасаяся, ежели что инструкціи учините въ противность, военнаго суда“ [1]).

Согласно этой инструкціи Лестока съ женой содержали въ крѣпости съ 1748 по 1753 годъ. Впрочемъ изъ дѣла не видно, чтобы кто либо стремился сдѣлать имъ ихъ заключеніе болѣе тяжкимъ, чѣмъ оно являлось по условіямъ времени. Наоборотъ, судя по счетамъ и спискамъ того, что покупали для нихъ, надо думать, что ихъ обставили возможнымъ комфортомъ: у нихъ были свои кровати, свои платья и Лестокша покупала много дорогихъ тканей (шелка и бархата), лентъ и другихъ принадлежностей туалета. Также и въ пищѣ не было ни недостатка, ни однообразія.

Въ апрѣлѣ 1753 года, послѣ $4^{1}/_{2}$ лѣтъ тюремнаго заключенія, по высочайшему указу Лестокъ изъ крѣпости былъ переведенъ на жительство въ Устюгъ Великій и вновь увидалъ столицу и дворъ только въ царствованіе Екатерины.

Такимъ образомъ закончилось дѣло о Лестокѣ. Но, какъ было выше указано, оно касалось не одного лица. Своимъ возникновеніемъ оно обязано борьбѣ партій; и Лестокъ былъ лишь однимъ изъ членовъ враждебной Бестужеву группы людей и далеко не вліятельнѣйшій.

Его другъ и единомышленникъ Воронцовъ, облеченный званіемъ вице-канцлера, свойственникъ Императрицы, былъ болѣе Лестока замѣшанъ въ происки прусаковъ и, какъ это видно изъ приведенныхъ выше докладовъ и записокъ Бестужева, съ его точки зрѣнія заслуживалъ кары не менѣе, чѣмъ осужденный Лестокъ. Но, какъ позднѣе выразился канцлеръ, „хотя щука и была съѣдена, зубы ея остались“.

Правда, впечатлѣніе отъ расправы съ бывшимъ конфидентомъ и лейбъ-медикомъ было сильное и не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. По словамъ нашего посланника въ Берлинѣ, при тамошнемъ дворѣ смущеніе было не меньшее, чѣмъ при извѣстіи о высылкѣ Шетарди. Прусскій посланникъ въ Россіи—знакомый намъ Финкенштейнъ—поторопился уѣхать изъ Петербурга, не ожидая, чтобы и его постигла та участь, которую ему подготавливалъ Бестужевъ. Такъ какъ король давно уже намѣревался отозвать его изъ Россіи и даже назначилъ ему на смѣну барона Гольца, успѣвшаго прибыть въ Пе-

---

[1]) Инструкція изъ Канцеляріи Тайныхъ и Розыскныхъ дѣлъ. За подписью Шувалова и Апраксина. Г. А. VI № 380 л. 16.

тербургъ и ознакомиться съ дѣлами, то отзывныя грамоты Финкенштейна были налицо и ему оставалось лишь заявить о своемъ отзывѣ и предъявить ихъ.

Въ день перваго допроса Лестоку 14-го ноября на вечерѣ при дворѣ Финкенштейнъ подошелъ къ канцлеру [1]) и заявилъ, что онъ наканунѣ получилъ отъ короля отзывную грамоту, о чемъ считаетъ своимъ долгомъ заявить канцлеру немедленно же, хотя и „партикулярно". Бестужевъ выразилъ свое сожалѣніе по поводу такого скораго отъѣзда, и оно на этотъ разъ было очень искреннее, такъ какъ и Императрицѣ онъ по поводу этого писалъ: „Крайне сожалительно, что симъ отъѣздомъ избѣгнетъ онъ отъ путешествія въ Сибирь, ибо прежде нежели изъ Вѣны на послѣдне-посланныя туда его письма ключь получится, онъ можетъ быть уѣдетъ, а по меньшей мѣрѣ и симъ [2]) курьеромъ онъ и цифирь новую получилъ, кою разбирать уже некогда будетъ".

Такимъ образомъ, вырвался изъ рукъ канцлера и Финкенштейнъ.

Съ самаго начала дѣла о Лестокѣ, съ 31-го октября, Бестужевъ замѣтилъ, что Императрица явно устраняетъ отъ злоумышленій Лестока Воронцова, который вдобавокъ и лично держалъ себя такъ, какъ будто былъ ровно не при чемъ, какъ будто разгромъ франко-прусской партіи его не касался. Онъ продолжалъ вести дѣла Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, принималъ иностранныхъ министровъ и являлся съ докладомъ къ канцлеру. Въ тотъ самый день, когда Лестока подвергали первому допросу въ Тайной канцеляріи, — 18-го ноября, передъ полуднемъ къ канцлеру пріѣхалъ вице-канцлеръ и сообщилъ, что вчера 17-го ноября у него были прусскій министръ графъ Финкенштейнъ и его преемникъ баронъ Гольцъ.

Первый вручилъ Воронцову свой отзывъ, а другой вѣрющую грамоту. Вице-канцлеръ выразилъ свое удивленіе этой внезапной смѣнѣ, а затѣмъ перемѣнилъ разговоръ и „къ тому привелъ, что онъ примѣчаетъ, что канцлеръ нынѣ весьма не такую довѣренность и откровенность къ нему имѣетъ, какъ прежде было, паче же онъ нѣкоторую холодность къ себѣ усматриваетъ и что онъ въ совѣсти своей ничего такого не находитъ, чтобы онъ поводъ къ тому подать могъ, и что онъ потому инако не понимаетъ, какъ что развѣ какіе безсовѣстные люди ихъ поссорить старалися, ибо въ протчемъ онъ

---

[1]) Г. А. VI, № 379, т. III. Записка для единственнаго Е. И. В. всевысочайшаго извѣстія, л. 276—276 об.

[2]) Т. е. съ курьеромъ, привезшимъ отзывную грамоту.

всегда добрымъ другомъ канцлеру быть себя разумѣетъ“ [1]). Конечно, Бестужевъ на это заявленіе отвѣтилъ въ томъ же духѣ, въ какомъ говорилъ Воронцовъ, т. е., „что онъ самъ припамятовать изволитъ, сколько онъ (Бестужевъ) дружбы его искалъ и почиталъ да и нынѣ равномѣрно жъ его почитаетъ, и что онъ не думаетъ, чтобы примѣчено быть могло, чтобъ канцлеръ съ самаго его, вице-канцлерова, изъ Италіи возвращенія какую либо въ чемъ отмѣну къ нему сдѣлалъ“.

Затѣмъ Воронцовъ заговорилъ о томъ, что у него нѣтъ подмосковной и при переѣздѣ двора въ Москву ему негдѣ остановиться. Въ расчетѣ на дружбу и свойство канцлера съ графомъ А. Г. Разумовскимъ онъ просилъ его похлопотать о пожалованіи ему деревень [2]).

Въ тотъ же самый день любимый и довѣренный секретарь Бестужева Волковъ сдѣлалъ ему выписку изъ показаній Шапизо, Бергера и жены Лестока, въ которой были перечислены друзья Лестока, и вновь представилъ Императрицѣ докладъ о нихъ въ сопровожденіи бумагъ, напоминавшихъ Елисаветѣ еще одно непріятное дѣло въ связи съ именемъ Воронцова [3]). Это были письма принцессы Елисаветы Цербстской къ великому князю и къ великой княгинѣ Екатеринѣ. Бестужевъ лично объяснилъ Елисаветѣ ихъ появленіе при докладѣ 7-го декабря 1748 г.: „Сіе есть то письмо, которое при возвращеніи изъ Ревеля [4]) между тѣмъ городомъ и Нарвою на дорогѣ Е. И. В. всенижайше поднесено было. Въ руки жъ, такимъ образомъ, попалось, что принцесса Цербстская, давъ, можетъ быть, вице-канцлеру два разные пакета, онъ сей нужной, конечно ошибкою, на почтѣ послалъ и понеже Е. И. В. тогда указать соизволила оригиналы удержать, то оные и по нынѣ у канцлера хранятся“ [5]). Эти оригиналы Елисавета прочитавъ въ гнѣвѣ разодрала. Въ нихъ она прочла много непріятнаго. Во-первыхъ, принцесса Цербстская и уѣхавъ изъ Россіи продолжала свои интриги, подбивая къ нимъ и свою дочь, во-вторыхъ, она увидала, что и Воронцовъ примкнулъ къ партіи великой княгини. О немъ писалось какъ о вѣрномъ союзникѣ: „Я все сіе

---

[1]) Ibid., часть III, л. 17. „Записка“.

[2]) Ibid., т. III. „Записка“, л. 17.

[3]) Конвертъ отъ Бестужева съ надписью рукою Волкова: на память о принцессѣ Цербстской. Ibid., т. IV, л. 4.

[4]) Въ іюлѣ 1746 г.

[5]) Г. А. IV, № 107, 1746 годъ. Дѣло. Письма принцессы Елисаветы Ангальтъ Цербстской къ дочери великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и переписка по поводу вскрытія ихъ на почтѣ вмѣстѣ съ письмами графа Михаила Воронцова, л. 30.

Вамъ въ такомъ мнѣніи пишу, что Вы еще на доброй дорогѣ находитесь, къ чему я еще сіе присовокупляю, что я въ графѣ Воронцовѣ толь испытанное подданство ревностью для *общаго дѣла* [1]) наполненное нахожу, что я его искренне о моихъ мнѣніяхъ и намѣреніяхъ увѣдомила, что всемѣрно о примиреніи духовъ стараться надлежитъ. Онъ мнѣ обѣщалъ попеченіе свое къ тому приложить. *Соединитесь съ нимъ вмѣстѣ* [2]) и вы лутче въ состояніи будете сіе трудное состояніе разобрать, но будьте предосторожны и не пренебрегайте никого" [3]).

Бестужевъ находитъ своевременнымъ оживить въ памяти Елисаветы нарвское происшествіе и вторично использовать перехваченныя письма. „Теперь же, писалъ онъ въ 1748 г., всевысочайшее повелѣніе испрашивается, куда повеленно будетъ оныя (письма) отдать, или совсѣмъ кассировать. Для напамятованія же о содержаніи онаго и для неутружденія пространствомъ всего оного токмо экстракты при семъ слѣдуютъ" [4]).

Какъ и слѣдовало ожидать, экстракты сдѣланы опытной рукою самого Бестужева и подобраны сообразно тому, чего добивался канцлеръ—показать злостность интригъ Воронцова и всей франко-прусской партіи. Поэтому кромѣ двухъ упомянутыхъ писемъ принцессы Цербстской онъ приложилъ письмо Воронцова къ великой княгинѣ Екатеринѣ [5]), его же письмо къ Мардефельду [6]), отъ Мардефельда къ Воронцову [7]), и снабдилъ эти письма примѣчаніями. Особенно значительны тѣ, которыя относятся къ выписанному выше мѣсту изъ письма принцессы Елисаветы Цербстской къ дочери. „Какъ принцесса Цербская отсюда поѣхала, то конфиденція вице-канцлера съ Лестокомъ, Трубецкимъ и Румянцевымъ еще не весма утверждена была, еже по слабѣйшему мнѣнію *примиреніе духовъ* [8]) значить имѣетъ". Противъ словъ письма принцессы: „вице-канцлеръ мнѣ обѣщаетъ *попеченіе* свое приложить", Бестужевъ приписалъ: „ибо какъ

---

[1]) Въ подлинникѣ трижды подчеркнуто.

[2]) Подчеркнуто дважды.

[3]) Ibid. Письмо принцессы къ великой княгинѣ отъ 11-го іюля н. с. 1746 г. по французски лл. 2—3. Переводъ съ ремарками лл. 8—12. Выписка на л. 9.

[4]) Ibid., л. 30. Экстрактъ, лл. 30—32.

[5]) Ibid.

[6]) Ibid., 36—37. Приписка. Сіе письмо списано по Именному Е. И. В. указу почтъ директоромъ Ашемъ въ 3-е августа 1746 г. Переводъ его лл. 38—39.

[7]) Ibid., лл. 45—46. Переводъ его лл. 47—48.

[8]) Слова изъ письма п. Цербстской.

Шапизо показалъ, то онъ во время вояжа своего конфидентную съ Лестокомъ корреспонденцію уже производилъ". Слова того же письма,—„соединитесь съ нимъ", онъ истолковалъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ хотѣлъ освѣтить все дѣло о Лестокѣ: „ежели бъ сіе токмо низверженіе канцлера значило то нужды не было бъ такія тайности дѣлать и толь много мѣръ принимать" [1]).

Приготовивъ, такимъ образомъ, эти бумаги къ докладу, Бестужевъ вложилъ ихъ всѣ въ конвертъ, озаглавилъ его: „Ея Императорскому Величеству не токмо наисекретнѣйшаго и важнѣйшаго, но и весьма ужаснаго содержанія" и отправилъ къ Елисаветѣ съ оберъ-секретаремъ [2]).

Прочитавъ присланное, Елисавета вернула пакетъ Бестужеву и приказала хранить содержаніе его по прежнему: попытка канцлера не достигла цѣли, но онъ не унимался и при каждомъ докладѣ преподносилъ Елисаветѣ что либо способное подвинуть ее къ удаленію отъ двора Воронцова.

Такъ, напримѣръ, на реляціи Корфа изъ Швеціи отъ 10-го декабря 1748 г. онъ помѣстилъ длинную ремарку для сообщенія Императрицѣ: „изъ всѣхъ Шетардіевыхъ и Даліоновыхъ перехваченныхъ писемъ видно было, что Лемеръ въ Копенгагенѣ, а Ланмари въ Стокгольмѣ о всѣхъ здѣшнихъ ихъ пріятелей столько же ими увѣдомляемы были, какъ и самъ дворъ французскій. Теперь же изъ сего видно, что они опасаются, чтобы по задержаніи Лестока тогожъ не учинилось и съ оставшимися его главными тѣми тремя пріятелями, о коихъ Лестокова жена, зять и племянникъ [3]) порознь, и не зная одинъ про другого, сходно однакожъ показали. Ежели къ сему еще то присовокупить, какъ мать [4]) короля прусскаго радовалась, что ни чрезъ Шапизо, ни изъ Лестоковыхъ писемъ ничего не найдено и какъ графъ Кайзерлингъ канцлеру при томъ совѣтуетъ и для персоны его въ осторожности быть (ибо злостные люди, Богъ знаетъ до чего могутъ себя употребить допустить), то само собою и безъ всякихъ другихъ обстоятельствъ заключается, что хотя щука и съѣдена, но зубы остались, въ коихъ оставшаяся злость Богъ вѣсть на что поступить

---

[1]) Ibid., 30 об.

[2]) Ibid. Конвертъ, л. 49.

[3]) Три пріятеля: Воронцовъ, Трубецкой, Румянцевъ. Зять Лестока—Бергеръ, племянникъ—Шапизо.

[4]) Не ясно, о комъ говоритъ Бестужевъ. Быть можетъ это описка Волкова, рукою котораго составлена эта ремарка.

можетъ и хотя ужасно помышлять, но когда они совѣстью ихъ во измѣнническихъ преступленіяхъ изобличены, избавленія же себѣ никакого не знаютъ, а на всевысочайшую Е. И. В. [милость] по мѣрѣ ихъ преступленія надежно полагаться не могутъ, наипаче опасаются чтобы и съ ними такой же незапности какъ и съ Лестокомъ не случилось, — то кто ручаться можетъ, не отважатся ли они иногда или не будутъ ли королемъ прусскимъ поощрены на такое злостное предпріятіе, отъ какого Кайзерлингъ остерегаетъ; но при томъ канцлеръ себя отнюдь не уважаетъ, ибо ему слава за вѣрную свою службу Е. И. В. вся ревность злости ихъ жертвою быть, все протчее забыть заставляетъ. Онъ токмо опасается, чтобы не лишиться того, еже всему Государству наигрожайшее есть и лишеніемъ котораго цѣлое Государство Богъ вѣсть въ какое бѣдное состояніе или конечное разореніе прійдти можетъ. Чего однако жъ избѣжать должно, способовъ есть безъ всякой строгости, но удаленіемъ токмо отъ двора и опредѣленіемъ къ другимъ пристойнымъ имъ мѣстамъ" [1]).

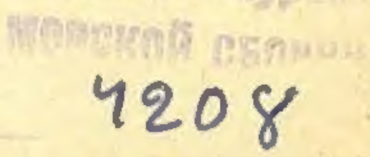
Настоянія канцлера наконецъ вынудили у Императрицы резолюцію: „слѣдствіе о преступленіяхъ Лестока еще далѣе производить". Согласно этому канцлеръ, поднося ей въ Москвѣ перлюстраціи при докладѣ 7-го марта 1749 года, напоминаетъ ей о ея рѣшеніи и проситъ исполненія его, но, очевидно, считая Лестока уже окончательно погубленнымъ, онъ все же, подтверждая его вину новыми уликами доказываетъ сильную причастность къ этому дѣлу Воронцова. При докладѣ 26-го мая 1749 г. онъ пишетъ о вице-канцлерѣ [2]): „Идолопоклонство его королю прусскому простирается и до пріятелей его шведовъ, такъ что, забывая свою присягу и себя, не срамится подавать совѣты противу своей природной монархини, а такой человѣкъ будучи не токмо при всѣхъ дѣлѣхъ, но хотябъ и при дворѣ отъ своего ремесла уже не отстанетъ и хотя меньше вѣдать сталъ бы, однако жъ не оставитъ случая обстоятельства всѣ развѣдывать и о всемъ королю прусскому рапортовать, да и отъ такого со всею предосторожностью уберечься однакожъ ни какъ не возможно, сколько старанія ни прилагается, все украдкою дѣлать и все таить".

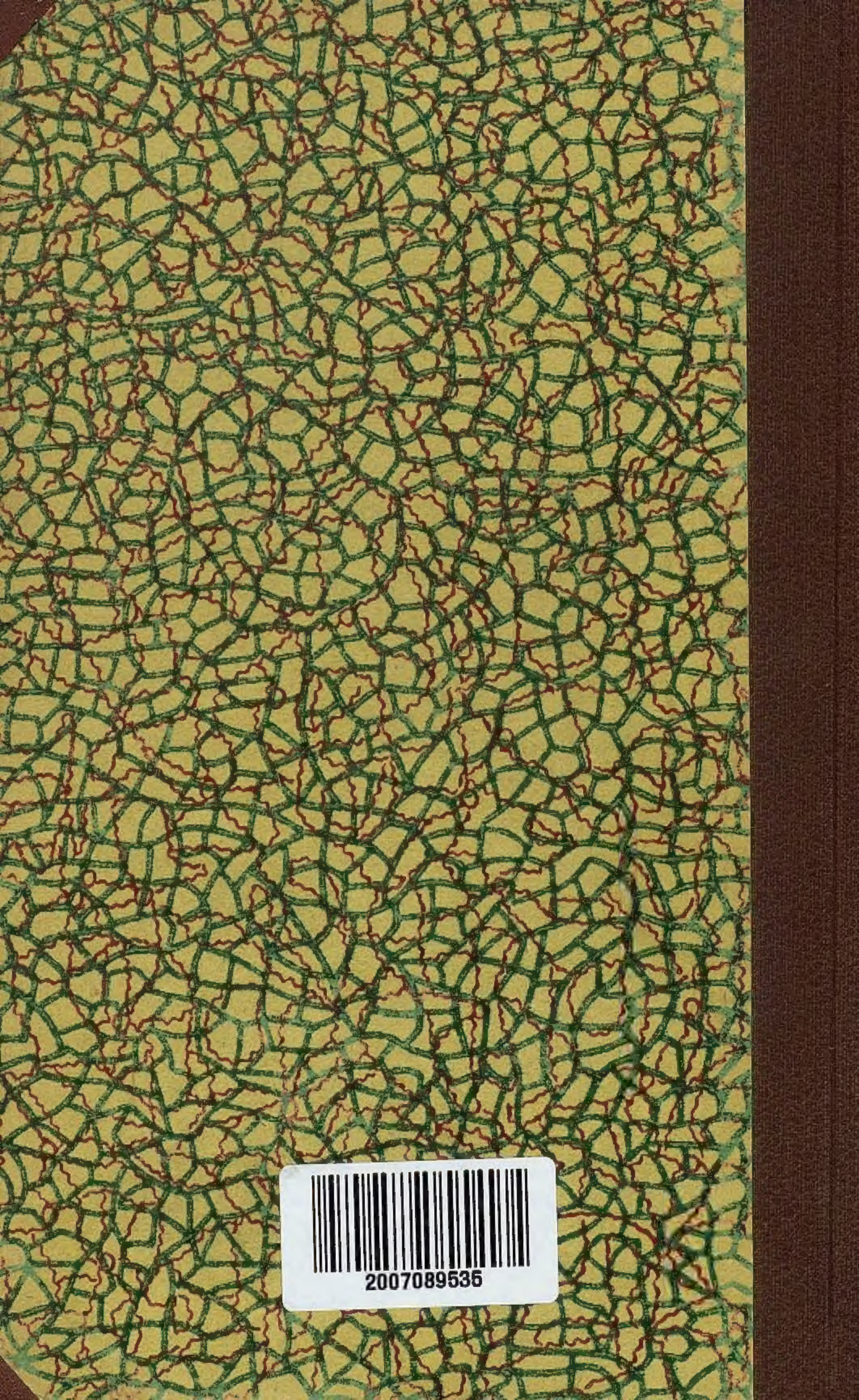
Такое поведеніе и пришлось усвоить Бестужеву по отношенію къ Воронцову, такъ какъ удалить его оказалось невозможно.

---

[1]) Г. А. VI, 380, лл. 13—13 об.

[2]) Г. А. XV, № 88, т. IV, л. 86. Ibid., л. 239.

2007089535